

**«Свои» и «другие»... Ребенок и его окружение
в татарском национальном букваре «Алифба»
(конец 1980-х – 2000-е годы)¹**

11 октября 2009 года в Казани вновь вспомнили Ивана Грозного и далекий 1552 год: здесь прошел очередной, двадцатый День памяти защитников города и национальной государственности. В митинге, состоявшемся на площади Свободы – одной из центральных площадей столицы Татарстана, где расположены здания правительства республики и городской мэрии, приняли участие около двухсот активистов татарского национального движения, а также исламистская молодежь. Среди прочих митингующие подняли и плакат со словами: «Требуем! Запрета русского языка в образовании, как запрещен татарский». В резолюции митинга среди «проблем татарского народа» были обозначены такие, как «закрытие около трех тысяч татарских школ», перевод образования в Татарстане на русский язык, принятие федерального закона 309 от 14 ноября 2007 года, отменяющего национально-региональный компонент в образовании². Участников митинга совершенно не остановило сделанное незадолго до этого заявление тогдашнего президента Татарстана Минтимера Шаймиева о том, что, в соответствии с разрабатываемыми на федеральном уровне стандартами образования, у школьников Татарстана «есть полные возможности, если не с избытком, осваивать свой родной язык»³. Не остановила их и сохраняющаяся реальная ситуация в школах республики, где татарский язык занимает в учебной сетке пять часов в неделю, и изучение его остается обязательным как для детей-татар, так и для детей других национальностей.

¹ Автор благодарит Д.М. Галиуллина за помощь в переводе текстов татарских букварей на русский язык.

² См., например: Татары назвали Ивана Грозного организатором геноцида // <URL>: <http://www.rosbalt.ru/2009/10/12/679450.html>

³ Коммерсантъ (Казань) – 2009. – 20 августа.

В складывающихся условиях проблема национального букваря приобрела особую актуальность. Ведь в ходе активизированного перестройкой процесса «татарского национального возрождения» именно национальному языку была отведена и продолжает отводиться роль «основы национальной жизни»⁴. Насколько «патриотичен» должен быть национальный букварь и допустимо ли выражение этого патриотического через политическое? Каковы реалии и возможности соотношения в нем дискурса постсоветского и дискурса национального? Насколько конструктивен «букварный национализм» в процессе упрочения национальной идентичности и насколько он деструктивен в разрушении идентичности советской? Как наиболее целесообразно репрезентировать в букваре «своих» и «других» – детей и взрослых, – чтобы не нарушить, как, казалось бы, весьма устойчивую, но по определению хрупкую межнациональную толерантность, сложившуюся в Татарстане и делающую его поистине уникальным феноменом в глазах мирового сообщества, политиков и ученых? Функционируя в гетерогенном политическом, социальном и культурном пространстве и будучи его порождением и продуктом, насколько репрезентативно и полно отражает национальный букварь эту гетерогенность, и как она соотносится с национальным дискурсом? И, наконец, насколько национальный букварь «архаичен» как явление? Может быть сегодня, когда в школу приходят дети, в большинстве своем уже умеющие читать, более целесообразно создавать и издавать буквари только для дошкольников? Может быть, букварь в школе – это уже не норма, а аномалия?

Прежде чем дать ответы на эти вопросы, необходимо охарактеризовать специфику самого национального букваря как социокультурного феномена и атрибута образовательно-воспитательных практик.

⁴ Тагиров И.Р. Европейская хартия региональных языков и языков национальных меньшинств и положение татарского языка в Российской Федерации // Тагиров И.Р. Европейские стандарты прав человека и законодательство Республики Татарстан. – Казань, 2001. – С. 69-73.

Национальный букварь как феномен культуры и объект интерпретации

Букварь как учебник для первоначального обучения грамоте представляет собой особый тип нарратива, со своими особыми чертами и характеристиками, полностью распространяющимися и на так называемые «национальные» буквари – учебные издания на национальных языках. Эти издания призваны обучить родному языку детей «своего» народа и «чужому» языку детей «других», живущих вместе и рядом, по возможности обогатить и диверсифицировать за счет освоения этого языка межнациональные коммуникативные практики и расширить возможности проникновения «своей» культуры в культуры этих «других» и наоборот. «Национальный» букварь – это, как правило, официально одобренное «сверху» издание, отражающее и воплощающее образовательно-воспитательную политику и образовательно-воспитательные стандарты местных властей, в целом соответствующие общефедеральным образовательным стандартам. В то же время это издание, наделенное своими «особыми», «национально-региональными» чертами, что в результате делает его весьма непохожим на его федеральных «собратьев».

Текст «национального» букваря – это текст массовый не только в «бытовом» смысле этого слова, что достигается широким тиражированием такого рода изданий в пределах отдельного национального образования, приобщенностью к нему значительного количества детей и взрослых – учителей и родителей, и, следовательно, сильнейшим влиянием его на массовое сознание. Это текст массовый и с точки зрения его источниковедческой оценки, что обусловлено его стандартизованностью по форме, языку и характеру содержащейся в нем информации. Букварный текст представляет собой достаточно однородный, одностилевый упорядоченный текст, который при внешней фрагментированности составляющих его букв, буквосочетаний, слогов, высказываний, слов и фраз складывается в законченное, целостное повествование. В то же время это смешанный (креолизованный) текст, причем визуальное (особенно на первых порах обучения) доминирует здесь над вербальным. И, наконец, это, безус-

ловно, закодированный текст, где соотношение тайного и явного, эксплицитного и имплицитного может бесконечно варьироваться в зависимости от того исторического контекста, в который этот учебник встроен, и той конкретной историко-политической ситуации, которой он порожден.

Помимо всего этого, текст «национального», как, впрочем, и любого другого букваря, являет собой некую идеальную, утопически-фантазийную конструкцию. Перефразируя известный афоризм английского писателя Нормана Дугласа – «об идеалах нации можно судить по ее рекламе», можно смело сказать о том, что об идеалах нации можно судить и по ее букварям. Букварь, как может быть ни что-либо другое, в наиболее четком и завершенном виде воссоздает образ некой «идеальной реальности»⁵ таким, каким он сформировался и отложился во «властном» сознании, таким, каким он транспонировался в образовательно-воспитательный процесс, и, соответственно, таким, каким он должен был отразиться и закрепиться в сознании учащихся. Такого рода идеализация оказывается особенно востребованной в условиях борьбы за этнокультурное возрождение, становления национального самосознания, обретения национальной идентичности. «Впечатывание» идеального рассчитано на особую продуктивность в первые школьные годы, поскольку детское восприятие в это время еще относительно независимо, непосредственно и произвольно. При этом во многом именно «фантазийность» позволяет приспособить букварь к практикам детского потребления: поскольку «детская апперцепция является преимущественно фантастической и эмоциональной, более чувствующей и персонифицирующей, чем анализирующей и познавательной»⁶, постольку и фантазия, и миф, и сказка занимают достойное место в системе детского понимания действительности, ее восприятия и запоминания. В то же время изучение «нацио-

⁵ «Любой учебный текст сам по себе, а в еще большей степени учебник как система..., – отмечают Г. Макаревич и В. Безрогов, – отражает идеал, связанный с моделью совершенной личности, сконструированной в рамках конкретной цивилизации и эпохи». (Макаревич Г., Безрогов В. Конструирование образовательного идеала в учебнике // Развитие личности. – 2005. – № 4. – С. 79). А также – добавим – идеализированную репрезентацию самой эпохи, представленную посредством ее подлинных и мнимых реалий.

⁶ Зеньковский В.В. Психология детства. – Екатеринбург, 1995. – С. 231.

нальных» букварей позволяет провести четкую грань между предложенным в них идеально-утопическим, а для кого-то – и экзотическим, образом «инонациональной» действительности и тем «реальным» миром, в котором живет ребенок – «потребитель» учебного текста⁷.

Очевидно, что создаваемая в букваре картина «идеального» настоящего (изредка – прошлого, чаще – будущего) романтизирована, облагорожена и возвышенна, тогда как изображение реальной действительности отрывочно, избирательно, субъективно, конъюнктурно, а подчас и просто банально. Создатель букваря всегда имеет дело с ограниченным кругом маркеров, посредством которых он репрезентирует действительность. В противном случае у ребенка может произойти размывание образов или их наслоение, что, в конечном итоге, приведет к неусвоению или – что еще хуже – к отторжению предлагаемого текста. Поэтому основными требованиями, предъявляемыми к букварному тексту, – будь то вербальному или визуальному – становятся его максимальная понятность и доступность, узнаваемость образов, эстетичность, разнообразие, эмоциональная насыщенность, содержательная наполненность. Этими требованиями руководствовались еще создатели дореволюционных букварей, они сохранялись в советское время, они присутствуют и сегодня. Соблюдение их делает букварь поистине многофункциональным изданием, успешно совмещающим в себе образовательную, воспитательную, художественно-эстетическую и развлекательную функции. Такая многофункциональность, не сводящаяся к простому овладению элементарной грамотностью, позволяет букварю взять на себя роль главного для ребенка культурно-конструирующего текста, тяготеющего к канонизации. Эта роль многократно возрастает применительно к «национальным» букварным изданиям. В силу целого ряда объективных и субъективных обстоятельств, ограничивающих и сужающих в ряде случаев доступ к инокультурным и иноязычным текстам, именно «национальные» буквари становятся

⁷ О формировании коллективной и «индивидуальной» идентичности у детей в процессе обращения к учебникам для начальной школы см., например: Келли К. «Папа едет в командировку»: репрезентация общественных и личных ценностей в советских букварях и книгах для чтения // Учебный текст в советской школе. – СПб., 2008. – С. 154-179.

подчас теми единственными воротами, через которые дети попадают в мир «других» (взрослых, этнически отличных и пр.). Национальные буквари выступают, таким образом, неким организационно-упорядочивающим вербально фиксированным началом окружающего ребенка пространства, в том числе, пространства мультиэтничного и мультиконфессионального.

Для современного «букварного мира», в отличие, скажем, от единого и во многих случаях единственного советского букваря, переиздававшегося десятилетиями, характерно отсутствие унификации, вариативность и многообразие. Это утверждение, однако, не всегда может быть распространено на категорию букварей «национальных». Несмотря на определенное расширение круга такого рода изданий, пришедшее преимущественно на вторую половину 1990-х – 2000-е годы и осуществляемое в том числе и за счет разграничения букварных изданий для носителей и не носителей национального языка, круг этот не столь широк и многообразен, как в случае, скажем, с изданиями федерального характера. Это и хорошо и плохо одновременно, поскольку, с одной стороны, такая образовательная и, соответственно, издательская политика препятствует выбросу на потребительский рынок учебников мало профессиональных, не пригодных, а иногда – и просто вредных для детей, но, с другой стороны, при этом существенно ограничивается возможность широкого и свободного выбора обучающих текстов.

Нельзя не указать еще на одну важную черту современных «национальных» букварей. Это их явная ангажированность, скрытая за подчеркнутой внешней деидеологизированностью. Концепцию любого букваря всегда определяла политическая мысль эпохи. Соответственно, центральное место в «национальных» букварях занимают те события, явления, герои и процессы, образ которых актуализируется современными социокультурными и социополитическими практиками, причем практиками с ярко выраженной «национальной» окраской. Эти издания воплощают собой те образцы «национальной» жизни и «национального» поведения, на которые следует равняться и которым следует подражать.

Подвергшись – вместе со всеми российскими учебниками – существенному реформированию, направленному на избавление их от проявлений «советскости», постсоветские «национальные» буквари не могли не испытать на себе воздействия тех общественно-политических перемен, которые происходили и в стране в целом, и в национальных регионах, в особенности. С одной стороны, в новых условиях они призваны были сконструировать на своих страницах идеальный образ новой, постсоветской действительности. По сути дела, эта действительность и должна была начинаться для детей «с картинки в твоём букваре», то есть представлять собой очевидный и четко выверенный идеологический конструкт. С другой стороны, на них прямо влияла национальная образовательная политика, ориентированная на расширение функциональной нагрузки титульного языка и его сознательное государственное планирование и регулирование.

Обозначенные процессы могут быть прослежены на примере татарского букваря «Алифбы» и тех изменений, которые произошли с ним на протяжении последнего двадцатилетия. Несмотря на известный интерес, проявленный рядом исследователей к истории развития национального образования у татар и его учебно-методической основе (Р.У. Амирханов, А.Г. Каримуллин, А.Х Махмутова, Г.С. Сабирзянов и др.), до сих пор, к сожалению, не был предложен ни концептуальный аппарат, ни методология исследования татарского национального букваря как политического феномена и как феномена культуры. Специально не изучалась роль его в формировании национального самосознания, коллективной идентичности и пр. Однако на основании имеющихся исследований можно реконструировать его историю. Обращение к ней позволяет более четко обозначить специфику татарского букваря, сложности, связанные с его идеологическим наполнением, и характер его современного состояния.

Краткий экскурс в историю татарского букваря

Как известно, система школьного образования у татар имела глубокие исторические корни⁸, а обучение на родном языке рассматривалось как одна из основ нравственного воспитания подрастающего поколения. Татарский букварь – алифба (от названия первой буквы арабского алфавита Элиф и второй – ба), соответственно, также имел продолжительную историю и не очень ясное далекое прошлое.

Письменность у татар пережила смену нескольких графических систем и несколько реформ алфавита и орфографии. С X века по 1920 год использовался татарский алфавит на основе арабской графики («иске имля» – старое письмо). Декретом СНК ТАССР от 19 декабря 1920 года употребление арабского письма в татарском языке было упрощено и введено так называемое «Новое письмо» – «янга имля», ставшее с 1925 года, согласно постановлению Наркомата просвещения Татарии, обязательным для всех школ. В 1927 году официальной письменностью татарского языка был объявлен Яналиф – алфавит на основе латинской графики, который применялся официально вплоть до 1939 года, а реально – вплоть до 1950-х годов, поскольку большинство используемых в это время школьных учебников было выпущено еще до войны. В 1939 году татарский алфавит был переведен на кириллицу, а в конце 1990-х годов вновь предпринимались попытки перевести татарский язык на латиницу (Яналиф-2)⁹. Вместе с реформами письменности реформировался и татарский букварь¹⁰.

В большинстве исследований татарских историков и филологов, касающихся истории формирования татарской письменности, книжного дела и народного образования, прямо утверждается об использовании болгаро-татарских

⁸ См.: Амирханов Р. Развитие народного образования у татар в дооктябрьский период // Мэгариф. – 1992. – № 8. – С. 36-39; №9. – С. 40-43; № 10. - С. 35-38; Махмутова А.Х. Становление светского образования у татар: (Борьба вокруг школьного вопроса. 1861-1917). – Казань, 1982; Ислам в Среднем Поволжье: История и современность: Очерки. – Казань, 2001 и др.

⁹ См.: Закиев М.З. Тюрко-татарское письмо: История, состояние, перспективы. – М., 2005.

¹⁰ Коллекция татарских букварей разных лет представлена в Музее татарского букваря – Музее Алифба, основанном в сентябре 1998 года при Арском педагогическом колледже (г. Арск, Татарстан), где на протяжении долгих лет работали авторы одного из популярнейших татарских букварей С.Г. Вагизов и Р.Г. Валитова.

букварей еще в мектебах¹¹ Волжской Булгарии, а затем в Золотой Орде и Казанском ханстве¹². Утверждения эти, однако, опираются не столько на сохранившиеся конкретные данные, касающиеся букварей, сколько на содержащиеся в трудах арабских и татарских средневековых авторов сведения, подтверждающие наличие разветвленной сети образовательных учреждений у татар уже в XII-XIV веках. Более точная информация относится лишь к последней четверти XVIII века. Именно тогда, в 1778 году, в типографии Московского университета печатается первый татарский букварь для обучения учащихся русских гимназий татарскому языку – «Азбука татарского языка с обстоятельным описанием букв и слогов». Автором его был преподаватель татарского языка Первой казанской гимназии Сагит Хальфин. В XIX веке традиция создания светских татарских букварей была продолжена учебными изданиями И. Хальфина (1809), Г. Вагапова (1859), М. Бикчурина (1887) и др., составленными на русском языке.

Первые печатные издания для мектебов появились в начале XIX века. От второй половины XVIII века известны лишь рукописные алифба Муртазы Котлагыша и Ишнияза бин Ширнияза, широко популярные в татарской среде¹³. Кстати говоря, изданный тиражом в 11 тыс. экземпляров в 1802 году в Казани букварь Котлагыша «Шараит аль-иман» («Условия веры») и является первым известным сохранившимся печатным букварем для мектебов.

С момента открытия в 1802 году первой в Казани татарской типографии при мужской гимназии (известной как «Азиатская») и наращивания ее мощностей, а также с появлением в Казани татарских частных типографий количество издающихся алифба существенно возрастает¹⁴. Только за первые три года своего существования татарская типография при гимназии, например, напечатала

¹¹ Мектебы – начальные мусульманские школы церковно-приходского типа.

¹² Амирханов Р. Развитие народного образования у татар в дооктябрьский период // Мәгариф. – 1992. – № 8. – С. 36-37; Сабирзянов Г.С. Букварь // Татарская энциклопедия: В 5-ти тт. – Т.1. – Казань, 2002. – С. 478 и др.

¹³ Сабирзянов Г.С. Букварь. – С. 478.

¹⁴ Об этом см.: Каримуллин А.Г. У истоков татарской книги // Мәгариф. – 1993. – № 5. – С. 35-36; № 9. – С. 38-39.

более 11 тысяч татарских букварей¹⁵. Обучение грамотности в мектебах как мальчиков, так и девочек (мальчиков обычно обучал мулла, а девочек – его жена, «устабика»), обязательно включало изучение букваря «со складами», которое продолжалось примерно два года. Затем уже дети переходили к чтению Корана и некоторых татарских книг нравственно-религиозного содержания¹⁶.

Особенно активно развивается образование и издательское дело у татар на рубеже XIX-XX веков, когда происходит трансформация татарского этноса («миллят») в нацию в современном для того времени понимании этого слова¹⁷. Этот процесс сопровождается реформой национальной системы школьного образования, вылившейся в постепенное вытеснение старометодных религиозно-богословских учебных заведений новометодными (джадидистскими)¹⁸ мектебами и медресе¹⁹. В процессе обретения национальной самоидентификации особая роль отводится национальному букварю²⁰. Нет, пожалуй, ни одного видного татарского просветителя, который не внес бы своего практического вклада в его создание и совершенствование: буквари Г. Баруди, А. Максуди, К. Насыри широко использовались в школах всех тюркоязычных народов России²¹ и

¹⁵ Знаменский П. Казанские татары. - Казань, 1910 // <URL>: <http://qazantatarlary.narod.ru/Znamensky.html>. В 1828 году, когда эта типография вошла в состав щедро финансируемой властями типографии Императорского Казанского университета, издание татарской литературы, в том числе и учебной, достигло в Казани небывалых размеров: только за 1855-1864 годы типография напечатала 1 084 320 экземпляров татарских книг, а к началу XX века стала издавать до 2 млн. книг в год. (Там же).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Усманова Д. Создавая национальную историю татар: Историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков // Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей. – Казань, 2004. – С. 110.

¹⁸ Джадидизм (от араб. дадидийя – обновленчество) – культурно-реформаторское и общественно-политическое движение мусульманских (преимущественно тюркских) народов Российской империи конца XIX – начала XX века, ратовавшее, в частности, за замену религиозного образования светским и использование звукового метода обучения грамоте вместо буквослагательного (так называемый усул-и-джадид – новый метод).

¹⁹ Медресе – среднее или высшее конфессиональное учебное заведение у мусульман.

²⁰ Об этом см. подробнее: Кәримуллин Ә.Г. Китап дөнъясына сәяхәт: (Татар басма сүзенен сәхифәләреннән). – Казан, 1979; Ибраһимов Ф. Белем әлифбадан башлана: татарча уку-язуга ойрәнү методикасы һәм татар әлифбалары тарихы. – Казан, 1994; Курбатов Х. Татар әдәби теленен алфавит һәм орфография тарихы. – Казан, 1999 и др.

²¹ См. об этом, в частности: Романов О. День в сафаджайском медресе // Журнал Министерства народного просвещения. – 1915. – Август. – № 8 // <URL>: <http://www.idmedina.ru/books/regions/?651> Автор упоминает (не называя) два наиболее известных

многokrатно переиздавались (так, букварь А. Максуди «Могаллим эувэл», впервые изданный в 1892 году, был переиздан 31 раз общим тиражом свыше 1 млн. 200 тыс. экземпляров)²². Некоторые из этих изданий носили очень трогательные, присущие арабской письменной традиции названия – например, книга Каюма Насыри «Иршад эл-эхибби илэ тэгълими ил-элифба» («Наставления любимым по изучению букваря», 1891). В 90-х годах XIX века появились первые иллюстрированные татарские буквари²³. В 1917 году в Казани цензурным комитетом был издан «Обзор учебников», принятых к употреблению в татарских школах в 1911-1913 годах, где перечислялось 394 «общепринятых учебника» на татарском языке, выдержавших несколько изданий²⁴, в том числе и букварей. Особую роль в выпуске татарских букварей сыграла типография братьев Каримовых – первая частная татарская типография, открытая в Казани в 1899 году. В начале XX века типография выпускала половину всех печатавшихся в Казани книг на татарском языке, существенную часть которых составляли азбуки для татарских новометодных школ²⁵.

Всего на протяжении четверти века – с начала 1890-х годов до 1917 года – в Казани было издано около 40 татарских букварей²⁶.

букваря Ахметгали Максуди, по которым шло обучение шакирдов в первом и втором классах медресе: «Могаллим эувэл» (букварь помогал освоить технику чтения и письма на татарском языке на основе арабской графики) и «Могаллим сани» (продолжение первого букваря, служащее для обучения письму и чтению на арабском языке). В букваре для первого класса содержались отдельные слова, предложения, короткие тексты и рассказы по следующим темам: части тела, название орудий труда, домашних принадлежностей, животных, птиц, одежды, посуды, пищи, приводились личные татарские имена, антонимы и синонимы. (Тазиева Л.К. Лексика букварей Ахметгали Максуди // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртене и современная лингвистика: Труды и материалы международной научной конференции: В 2-х т. – Казань, 2001. – Т.2. – С. 89).

²² Там же.

²³ См. подробнее: Вагапова Ф.Г. Оформление татарских печатных букварей XIX-XX веков // Истоки и эволюция художественной культуры тюркских народов: Материалы международной научно-практической конференции. – Казань, 2008. – С. 135-139.

²⁴ Амирханов Р. Глубокие корни наших учебников // Казан утлары. – 1989. – № 8. – С. 162-172; Он же. Развитие народного образования у татар в дооктябрьский период // Мәгариф. – 1992. – № 9. – С. 42.

²⁵ Каримовых типография, литография и словолитня // Татарская энциклопедия. – Т. III. – Казань, 2006. – С. 246-247.

²⁶ Хайруллин Г.Т. История татар. – Алматы, 1998. – С. 78.

Новометодные буквари представляли собой особое явление. С одной стороны, авторы и составители их были одними из первых российских ученых и педагогов-мусульман, выступавших за усиление светского компонента в образовании, ратовавших за написание учебников на местном материале и обучение детей «понятному» им языку. С другой стороны, все они были продуктом мусульманской среды и порождением мусульманской культуры, а потому не могли функционировать вне мусульманского дискурса. Поэтому создаваемые ими учебники представляли собой своеобразный синтез духовного и светского, восточного и европейского, традиционного и инновационного, что позволяет отнести их к особому типу «протосветской» мусульманской учебной литературы²⁷, составившей, без всякого сомнения, основу татарской национальной «букварной» традиции.

«Поиск знания – обязанность каждого мусульманина и мусульманки»; «Поиск знания – от колыбели до могилы»; «Ищите знание даже [если для этого потребуется достичь] Китая» – эти классические изречения из Корана и Сунны во многом объясняли столь характерный для классической мусульманской культуры культ знания, приобретший здесь, по мнению ряда исследователей, такую «значительность, которой нет в других цивилизациях»²⁸. Не удивительно поэтому то, что уровень грамотности татарского населения был весьма высок, что отмечал еще в 40-е годы XIX века известный казанский профессор и краевед К. Фукс: «Всякому заезжему без сомнения странным покажется найти в казанских татарах... народ более образованный, нежели некоторые, даже европейские. Татарин, не умеющий читать и писать, презирается своими земляками и как гражданин не пользуется уважением»²⁹. Со временем эта тенденция еще шире распространилась и окрепла. По меткому замечанию другого наблюдате-

²⁷ Этот термин был применен, в частности, Д.М. Усмановой для характеристики сочинений ряда представителей татарской исторической мысли этого периода. (Усманова Д.М. Создавая национальную историю татар. – С. 112).

²⁸ Роузентал Ф. Торжество знания. – М., 1978. – С. 324.

²⁹ Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. Краткая история города Казани: Репринтное издание. – Казань, 1991. – С. 126.

ля, доктора богословия, профессора Казанской духовной академии П.В. Знаменского, сделанному уже в конце первого десятилетия прошлого века, «благодаря своим многочисленным школам и печати, татарское население в настоящее время почти сплошь все грамотное и с презрением смотрит на русских крестьян, страдающих безграмотностью... Между татарами существует крепкое убеждение, что мусульманским книгам нет конца, а русским книгам есть конец, и что когда русские дочитаются до этого конца, то обратятся уже к мусульманским книгам и сами сделаются мусульманами. По своей привычке к книге, татарин довольно легко выучивается и русской грамоте»³⁰.

До Октября 1917 года основной миссией татарского букваря была миссия не только образовательная, но и культурно-просветительская: по широте охвата читательской аудитории в то время с ним не могли соперничать никакие другие национальные издания. После Октября 1917 года едва ли не главной его миссией стала миссия политико-воспитательная, которая по вышеуказанной причине реализовывалась посредством букварей весьма успешно.

Раннесоветский период ознаменовался поиском новых форм и методов обучения, привнесением в учебные издания «классового» содержания и успешным сосуществованием учебников «стабильных» и учебников «экспериментальных»³¹. Введение в 1923/24 учебном году новых программ ГУСа (Государственного Ученого Совета Наркомата просвещения РСФСР) настоятельно потребовало обеспечения школ Татарии необходимой учебной литературой, в том числе и оригинальными учебниками на татарском языке. В их подготовку активно включились видные ученые и педагоги Татарской Республики, а роль координирующего центра выполняла научно-педагогическая комиссия республиканского Академцентра.

Наиболее стабильным и признанным среди всех издаваемых татарских букварных изданий того периода оказался, без всякого сомнения, «Татарский

³⁰ Знаменский П. Казанские татары. – Указ. соч.

³¹ Об этом см.: Сенькина А.А. Книга для чтения в 1920-х годах: старое vs новое // Учебный текст в советской школе. – С. 26-47.

букварь» («Татар әлифбасы») Мухитдина Курбангалеева. По которому букварю татарские дети обучались родному языку с 1912 до 1945 года. Издание постоянно перерабатывалось с учетом требований новой идеологии и в смысле содержания, и в смысле графики письма (арабская графика – яналиф (латиница)³² – кириллица). Наряду с этим учебником в учебной практике достаточно широко использовались и новые советские книги для чтения, игравшие роль букваря: «Беренче адым» («Первый шаг», 1923), «Якты Юл» («Светлый путь», 1926), «Яна тормыш» («Новая жизнь», 1928) и др. В условиях широкомасштабной кампании по ликвидации неграмотности эти книги применялись для обучения не только детей, но и взрослых, для которых, впрочем, издавались и специальные «взрослые» буквари (например, букварь М. Файзуллы «Зурлар өчен әлифба» – «Алифба для взрослых», 1941)³³. Проанализировав в 1929 году учебную литературу для школ, издававшуюся на татарском языке, и отметив ее сравнительно неплохой уровень, педагогическая комиссия Академцентра в то же время обратила внимание и на ряд серьезных упущений, имеющих в этих изданиях, главным из которых была сложность языка и стиля, не соответствующая детскому восприятию³⁴.

Образовательные реформы 1932 года повлекли за собой процесс унификации и стандартизации школьных учебников. На смену «Алифбе» М. Курбангалеева пришел татарский советский букварь Г.Г. Сайфуллина, выдержавший 19 изданий (1946-1964), а затем «Алифба» Р.Г. Валитовой и С.Г. Вагизова, по которой вплоть до начала 2000-х годов обучалось не одно поколение татарских, а затем и русских школьников. Оба эти букваря мало чем отличались от других советских учебников такого типа и друг от друга при переизданиях.

³² Первым татарским советским букварем, построенным на латинской графике, был «Яна әлифба» – «Новый букварь» 1926 года.

³³ О букварях для взрослых см., например: Макарова Е.П. Кампания по ликвидации неграмотности: Буквари для взрослых и методики обучения // Источниковедческие исследования. – Вып. 4. – М., 2008. – С. 98-108.

³⁴ См.: Абязов К.А. Светское и религиозное образование в деревне Татарстана (1920-1930-е гг.): Дисс. ... канд. ист наук. - Казань, 2004. - С.117.

Процесс суверенизации и борьба Татарстана за обретение независимости сопровождалась острой полемикой по вопросу о будущем национального языка и путях и способах его развития. Пик дискуссий пришелся на 1988 – 1989 годы. Так, в январе 1988 года газета «Вечерняя Казань» (в то время орган Казанского горкома КПСС и Казанского горисполкома) – одна из самых «смелых» татарстанских газет, позволявшая освещать на своих страницах темы, казавшиеся «запретными» для других изданий, опубликовала статью татарского писателя Д. Валеева «О национальном и интернациональном». Статья начиналась так: «Я думаю, мы много бы поняли в истории, в нашем прошлом, если брали бы всегда в расчет национальный характер того или иного народа, его «национальную модель» поведения. Она проявляет себя во всем: в культуре, в трудовом и ратном деле, в отношениях с другими народами, в исполнении тех или иных социальных замыслов. Я думаю, что мы гораздо лучше разобрались бы во многих современных проблемах, если бы принимали во внимание эти национальные «константы», закладывали наличие этого фактора в наши планы на будущее»³⁵.

Статья вызвала множество откликов. В течение года в редакцию газеты поступило более 200 писем от русских и татарских читателей с пометкой «Национальный вопрос». Почти все они содержали размышления по вопросу о будущем татарского языка, причем мнения высказывались прямо противоположные – от категоричных утверждений, что этот язык изучать не нужно, до столь же категоричных требований сделать его единственным государственным языком в Татарской республике³⁶. А после 28 июня 1990 года, когда Президиум Верховного Совета ТАССР включил вопрос о статусе татарского языка в повестку дня второй сессии 12-го созыва, письма носили в отдел науки и культуры редакции газеты, по воспоминаниям очевидцев, просто мешками – «так их было много»³⁷.

³⁵ Валеев Д. О национальном и интернациональном // Вечерняя Казань. – 1988. – 9 января.

³⁶ Сообща искать истину // Вечерняя Казань. – 1989. – 9 января.

³⁷ Агеева Л. Путешествие во времени // Республика Татарстан: Новейшая история. События. Комментарии. Оценки. - Казань, 2000. – С. 51.

Вопрос о статусе татарского языка был задан и Борису Ельцину во время его визита в Казань 13 августа 1990 года. Он заявил, что, «рассматривая в целом и материальную базу, и учебники, лучше пока вопрос о государственном языке не решать», «а решить вопрос только о развитии татарского языка», добавив, однако, что это дело Верховного Совета Татарии³⁸. Однако в контексте известных ельцинских слов, определивших будущее республики («Берите суверенитета столько, сколь сумеете взять»), это заявление принципиального значения уже не имело.

Среди активно дискутируемых вопросов был и вопрос о возможном переходе на новую графику – латинскую или арабскую – и отказе от кириллицы, которая, по мнению ряда специалистов, сильно искажала фонетический строй татарского языка, и, соответственно, о подготовке учебников для начальной школы, написанных на основе новой графики. Члены орфографической комиссии, созданной при Министерстве народного образования Татарстана и Институте языка, литературы и искусства, приняли во внимание эти предложения и рекомендовали добавить три новые буквы в татарский алфавит для обозначения специфических согласных и установить новые правила написания для обозначения специфических гласных. Это предложение было законодательно зафиксировано Верховным Советом ТАССР в 1989 году³⁹. Но радикальной отмены кириллицы тогда не последовало. Впоследствии, в конце 1990-х годов, в Татарстане вновь была предпринята попытка смены написания татарского алфавита: со ссылкой на решение Второго Всемирного конгресса татар, состоявшегося в 1997 году, руководство республики и часть местной интеллигенции инициировали закон о переходе с кириллицы на латиницу, как более адекватно отражающую фонетический строй татарского языка, который был принят Госсоветом республики 15 сентября 1999 года и должен был вступить в силу с 1 сентября 2001 года. В магазины Казани поступил татарский букварь на основе ла-

³⁸ Вечерняя Казань. – 1990. – 13 августа.

³⁹ Об этом см. там же. – С. 53; Постнова В., Фарутин А., Сергиевский С. *Min lingvist tugel, min sayasatche, no ya reshuyu!*: Спор о кириллице и латинице стал разменной монетой в играх политиков // Независимая газета. – 2002. – 20 ноября и др.

тинской графики, изданный тиражом 10 тысяч экземпляров. С сентября 2000 года обучение на латинице уже осуществлялось в ряде школ в виде эксперимента⁴⁰. Но изменение общественно-политической ситуации в России в целом, вылившееся в укрепление вертикали власти в стране, приостановило это начинание. 15 января 2002 года Государственная Дума РФ внесла поправку в Федеральный Закон «О языках народов РФ», установившую в качестве графической основы всех государственных языков республик РФ кириллицу. А в ноябре 2004 года Конституционный суд РФ отклонил попытки властей Татарстана изменить графическую основу татарской письменности⁴¹.

Принятая 30 августа 1990 года Декларация о государственном суверенитете Татарской Советской Социалистической Республики провозгласила, а последовавшая за ней Конституция Республики Татарстан от 6 ноября 1992 года законодательно закрепила наличие в республике двух равноправных государственных языков – татарского и русского. Принятие законов «О государственных языках Республики Татарстан» (от 8 июля 1992 года), «Об образовании» (от 19 октября 1993 года), а также «Государственной программы Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию языков народов РТ» (24 июля 1994 года) призвано было наполнить конституционные установки реальным содержанием.

⁴⁰ В научной и общественно-политической периодике федерального уровня появилось в тот период немало материалов, содержащих резкую критику татарстанских властей в связи с их попытками перевода татарского языка на латиницу как не отвечающую интересам и правам населения Республики Татарстан. С такой критикой выступил и ряд известных российских ученых, например, директор Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишков. (Тишков В. Язык и алфавит как политика // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. – 2001. – № 36; Он же. Алфавит как политика // Труд. – 2001. – 21 февраля и др.)

⁴¹ Постановление Конституционного суда РФ от 16 ноября 2004 года №16-П «По делу о проверке Конституционности положений пункта 2 статьи 10 Закона Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан», части второй статьи 9 Закона Республики Татарстан «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан», пункта 2 статьи 6 Закона Республики Татарстан «Об образовании» и пункта 6 статьи 3 Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С.И. Хапугина и запросами Государственного Совета Республики Татарстан и Верховного Суда Республики Татарстан».

Изменения в государственной культурно-языковой политике в Татарстане происходили в условиях возрождения и во многом под влиянием татарского национального движения рубежа 1980-х – 1990-х годов. Возникавшие общественные национальные организации одну из основных задач своей деятельности видели в создании новой системы национального образования, в которой татарскому языку уделялось особое место.

Одним из наиболее быстрых и доступных путей решения проблемы представлялось возрастание удельной доли татарского языка в образовании, в том числе посредством расширения сети национальных и смешанных школ и обучения татарскому и русскому языку в равных объемах в русских школах и классах. Однако задача эта была отнюдь не простая. В связи с попытками воплощения в СССР идеи создания новой исторической общности людей – советского народа с единым сакрализованным советским русским языком – сфера функционирования татарского языка в Татарстане к 1990-м годам резко сузилась. Если в 1960/61 учебном году в Татарии было 1458 татарских школ, в которых обучалось 118 700 учащихся, то через двадцать лет количество их сократилось до 995, а число учащихся – до 104 400. В 1988/89 учебном году в результате специально принятых мер количество татарских школ несколько возросло – их стало 1059, но отток контингента предотвратить не удалось: в национальных школах занималось всего 70 103 школьника⁴², что составляло около 12 % от всех учащихся республики⁴³. В преобладающем большинстве все это были школы сельские. Все предметы преподавались здесь на татарском языке. Русский язык изучался как отдельный предмет, но не был языком обучения и общения. Многие дети, приходя в татарскую школу, вообще не знали русского языка и учились говорить по-русски с помощью соответствующих изданий, состоящих из лишнего текста визуального ряда⁴⁴, и только потом переходили к

⁴² Актуальная проблема перестройки // Советская Татария. – 1989. – 10 февраля.

⁴³ Агеева Л. Путешествие во времени. – С. 51.

⁴⁴ См.: Асадуллин А.Ш. Учимся говорить по-русски: Учебное пособие по русскому языку для детей, обучающихся с шести лет. – Казань, 1986 и последующие издания.

обучению по «Родной речи». К 1990 году число обучающихся на родном языке татар возросло в Татарстане до 20 %⁴⁵.

Особенно наглядно процесс утраты татарского языка и ухода от национальных форм обучения наблюдался в Казани. В 1990 году здесь на более чем 200 русских школ приходилась лишь одна татарская; обучение татарскому языку в городских школах либо носило факультативный характер, либо он не преподавался вообще⁴⁶. Наличие языковой среды, и то сильно ограниченной (в публичных местах Казани – магазинах, общественном транспорте, учебных заведениях – нечасто можно было услышать тогда татарскую речь), с лихвой компенсировалось отсутствием четко выраженной мотивации, побуждающей к татароязычному общению, а, следовательно, к изучению языка. Данные социологических опросов, проведенных в конце 1980-х годов, показали, что в Казани 80 % школьников-татар не владели родным языком даже в минимальном объеме⁴⁷. Как отмечал в 2001 году видный татарский ученый и политик И.Р. Тагиров, процесс «возрождения языка очень сильно уступал процессу его исчезновения»⁴⁸.

В этих условиях остро встал вопрос об учебниках татарского языка для начальной школы, особенно о татарских букварях: тысячи детей, в том числе русскоязычных, впервые переступали школьный порог, и всех их нужно было учить татарскому языку. В идеале для разных типов школ, и для разных категорий учащихся нужны были разные буквари, и такие отличия, действительно,

⁴⁵ Султанбеков Б.Ф., Харисова Л.А., Галямова А.Г. История Татарстана. XX век. 1917-1995 гг.: Учебное пособие. – Казань, 1998. – С. 430.

⁴⁶ Как вспоминала одна из опрошенных нами респонденток, учившаяся в казанской школе (1965 года рождения), на очередной перемене в класс входил классный руководитель и возглашал: «Татары – на татарский, все остальные – на труд!» Все и старались пойти на труд – «там было легче». Практиковалось проведение факультатива по татарскому языку вместо физкультуры, а также нулевым или последним уроком, когда русскоязычные учащиеся вообще отдыхали, что в конце отбивало желание к посещению этих занятий. (Гилязов И. Бесмертие народа – в его языке // Вечерняя Казань. – 1988. – 27 января). У автора этого раздела книги, обучавшейся в конце 1960-х – 1970-е годы в одной из «специализированных» «английских» школ Казани, все факультативы вместо татарского языка были заполнены английским языком.

⁴⁷ Бареев Т. О чужой боли // Вечерняя Казань. – 1989. – 27 марта.

⁴⁸ Тагиров И.Р. Европейская хартия региональных языков... – С. 69.

существовали. Так, с 1986 года Татарское книжное издательство (а с 1993 года – издательство «Магариф» («Просвещение»)⁴⁹ выпускало букварь («Алифбу») Р.Г. Валитовой и С.Г. Вагизова для первого класса 4-хлетней татарской школы (в официальных документах Министерства образования и науки Республики Татарстан это издание обычно именовалось «красным» по цвету обложки). Однако большинство татарстанских детей в 1990-е годы обучалось по «синей» «Алифбе» для трехлетней начальной школы, созданной теми же авторами еще в 1964 году и выдержавшей более 30 изданий. Именно «синяя» «Алифба» стала «главным» букварем для большинства татарстанских детей на протяжении более чем трех десятилетий. Да и сегодня некоторые учителя татарского языка по-прежнему продолжают считать ее лучшим татароязычным учебником для начинающих⁵⁰. Поэтому характеристику татарских букварей конца 1980-х – 2000-х годов хотелось бы начать именно с «синей» «Алифбы». Нас интересовало, в частности, то, как отражалась в «синей» «Алифбе» советская, постсоветская и «национальная» реальности, как они соотносились между собой, как изменилось это соотношение на протяжении 1990-х – начала 2000-х годов, как все это «прописывалось» в вербальных и визуальных текстах учебника и повлияло на воспроизведении и отображении в нем образа детей и их ближайшего окружения (в первую очередь, их семьи – родителей, бабушек, дедушек, братьев и сестер)⁵¹. Заслуживает внимания также и вопрос о том, когда этот букварь был

⁴⁹ Специальное учебно-педагогическое издательство «Магариф» было создано по распоряжению правительства Татарстана в 1992 году. Главной задачей, поставленной перед издательством, было издание учебной литературы на татарском языке и обеспечение ею учащихся русскоязычных школ. Уже к 1995 году заказ властей на издание такого рода учебников был выполнен полностью. Однако, по словам директора издательства М. Валеева, в тот период татарских учебников, в том числе и букварей, даже в Казани в свободной продаже еще не было. (Валеев М. Как приблизить пункт «А» к пункту «Б» // <URL>: <http://www.ug.ru/95.10/101502.html>). Именно татарский букварь «Алифба» стал, по словам М. Валеева, «первой ласточкой молодого издательства» (Валеев М. Татарская книга в российском переплете // <URL>: http://www.library.cjes.ru/online/?a=con&b_id=411&c_id=4372).

⁵⁰ Из беседы с учителем татарского языка Сюмбюль Г., г. Высокая Гора, Республика Татарстан. 19 апреля 2010 года // Архив автора.

⁵¹ Отдавая должное политической ангажированности учебников, нельзя не принимать во внимание и субъективности взгляда самого автора этого текста, смотрящего на проблему «изнутри».

изъят из учебной практики, почему это произошло, чем он был заменен и насколько адекватной оказалась эта замена.

Позднесоветская «Алифба»

Позднесоветская «Алифба»⁵² была довольно типичным советским учебником со встроенным национальным дискурсом. Однако по степени «советизации» она была совершенно несопоставима, скажем, с известным «Букварем» В.Г. Горецкого⁵³. Так, даже предисловия к этим учебным изданиям кардинально отличались друг от друга. Обращаясь к «дорогому другу», авторы федерального букваря писали: «Сегодня ты начинаешь свой путь в замечательную, необыкновенную страну – Страну знаний! Ты научишься читать и писать, впервые напишешь самые дорогие и близкие для всех нас слова: мама, Родина, Ленин. Школа поможет тебе стать грамотным и трудолюбивым гражданином нашей великой Родины – Союза Советских Социалистических Республик». Судя по иллюстрации, с этими проникновенными словами к владельцу букваря обращались хорошо знакомые ему из дошкольного детства Буратино, Незнайка и Мурзилка. На второй странице издания, слева, вслед за лишенным каких-либо иллюстраций титульным листом (с. 1), был размещен портрет Владимира Ильича Ленина с добрым, лучистым взглядом и чуть лукавой улыбкой, а на третьей странице справа – скромная советская учительница с красными гвоздиками, стоящая в окружении любознательных учеников на фоне красного силуэта «нашей Родины СССР», о чем и сообщал соответствующий текст. Совершенно очевидно, что такая вводная часть букваря имела откровенно выраженный политико-воспитательный характер и не была рассчитана на прочтение ее детьми – скорее, на прослушивание и рассматривание под руководством и с комментариями учителя.

В «Алифбе» какое-либо предисловие отсутствовало вообще. На первой, титульной странице учебника, наряду со всеми обязательными для нее атрибу-

⁵² Вәлитова Р.Г., Вағыйзов С.Г. Әлифба. – 23-27 басма. – Казан, 1987-1991.

⁵³ Горецкий В.Г., Кирюшкин В.А., Шанько А.Ф. Букварь. – Изд. 7-11. – М., 1987-1991.

тами, можно было увидеть изображение двух детей – мальчика и девочки с поистине военной выправкой, широко и в ногу шагающих в школу в новеньких советского образца школьных формах с ранцем за плечами и портфелем в руке. И никаких красных гвоздик – девочка приготовила для учительницы несколько желтеньких цветочков, которые, похоже, либо вырастила в палисаднике у своего дома, либо сорвала где-то по дороге⁵⁴.

Только эксплицитно обозначенные символы «советскости» (изображения В.И. Ленина и даже Карла Маркса, уже упомянутой «красной» карты СССР, Красной площади, крейсера «Аврора», детей, изображающих красных кавалеристов, и взрослых советских воинов, буденовки, красного флага, серпа и молота, красного шара как символа политических празднеств, пионерского горна, барабана и красного галстука, красной звезды и октябрятской звездочки, советских орденов и медалей на груди у ветерана и др.) встречались в визуальном ряду букваря Горецкого не менее чем на трети страниц. Зачастую здесь присутствовали вполне завершенные и детально прописанные советские «политические» сюжеты (игра в «конницу Буденного», посещение первоклассниками пионерского уголка, урок «СССР – страна Советов», ноябрьская демонстрация и др.) – всего около 20⁵⁵. Причем политизирован был, в первую очередь, именно визуальный ряд букваря. Предлагаемые тексты были гораздо более аполитичными, что вполне понятно, поскольку «политическая» лексика была сложна для прочтения и восприятия ее детьми.

В «Алифбе» «политических» сюжетов было гораздо меньше, хотя, как и в любом советском букваре, они, конечно же, присутствовали. Причем эти сюжеты условно можно было подразделить на повседневно-событийные, с самим ребенком в главной роли, и плакатно-пропагандистские, «взрослые», отображавшие основные, наиболее яркие и в общем хрестоматийные советские символы, но поданные в сопровождении таких художественных (стихотворных)

⁵⁴ Вэлитова Р.Г., Вагыйзов С.Г. Элифба. – 24-25 басма. – Казан, 1988-1989.

⁵⁵ Горецкий В.Г., Кирюшкин В.А., Шанько А.Ф. Букварь. – Изд. 9. – М., 1989. – С. 3, 23, 42, 54, 60 и др.

текстов, которые делали их более понятными и доступными для детской аудитории.

Среди наиболее очевидных сюжетов первой группы – сюжеты «В читальном зале», «Октябрята» и «Наш класс». Первые два из них являются «одушевленными»: в читальном зале примерные татарские мальчики с октябрятскими звездочками на груди чинно сидят за столом и усердно читают, рисуют и отгадывают загадки (о чем повествует текст); на заднем плане – достаточно большая скульптура юного Володи Ульянова, которая возвышается и как бы парит над сидящими школьниками⁵⁶. Ритуальный сюжет приема в октябрята выдержан во вполне канонических рамках и наполнен советской символикой даже больше, чем соответствующий сюжет в букваре Горецкого: здесь присутствуют не только пионеры, прикрепляющие своим младшим товарищам октябрятские звездочки на грудь, не только алый стяг, но и огромное красное панно с изображением Ильича, на фоне которого и совершается действие. Изображены на рисунке и выстроившиеся в ряд в торжественном молчании представители пионерской дружины с флагом, горном и барабаном. Рисунок сопровождается хорошо известным текстом об «идеальном» октябрятке («Октябрята – будущие пионеры. Октябрята хорошо учатся» и т.д.) и коротким, но весьма знаковым четверостишием: «Мы – звездочки Октября, дедушки Ленина веселые внуки»⁵⁷. Что касается «Нашего класса», то он пуст, лишь на стене висит хрестоматийно известный портрет «дедушки Ленина», читающего газету «Правда» (что особо подчеркивается в сопроводительном тексте). Интересно заметить, что именно на этой странице учащиеся впервые встречались с такими знаковыми понятиями, как «коммунист» и «коммунизм», хотя данные страницы букваря были посвящены букве Щ⁵⁸.

Тот же самый ленинский портрет, только данный уже крупным планом, фактически завершал «Алифбу». Чтобы сделать этот достаточно «взрослый»

⁵⁶ Вәлитова Р.Г., Вагыйзов С.Г. Әлифба. – 25 басма. – Казан, 1989. – Б. 58.

⁵⁷ Ср.: Горецкий В.Г., Кирюшкин В.А., Шанько А.Ф. Букварь. – Изд. 9. – М., 1989. – С. 89; Вәлитова Р.Г., Вагыйзов С.Г. Әлифба. – 25 басма. – Казан, 1989. – Б. 79.

⁵⁸ Вәлитова Р.Г., Вагыйзов С.Г. Әлифба. – 25 басма. – Казан, 1989. – Б. 85.

сюжет ближе и понятнее детям, авторы сопроводили его шутливым стихотворением о маленькой Ляйле, разглядывавшей картину и наивно удивлявшейся, когда же дедушка Ленин спит – ведь он все время читает и читает!⁵⁹ Пожалуй, такая педагогическая находка была гораздо более удачной по сравнению с букварной «ленинианой» Горецкого, представленной изображением вождя мирового пролетариата в окружении детей и отрывком из воспоминаний Н.К. Крупской о Ленине («Ленину горячо хотелось, чтобы ребята выросли стойкими коммунистами. Бывало, шутит с каким-нибудь мальчиком, а потом спросит: «Не правда ли, ты будешь коммунистом?» И видно, что хочется ему, чтобы паренек коммунистом рос»)⁶⁰. Не только объяснить семилетнему ребенку сущность такого сложного понятия, как «коммунист», но и заставить его соотнести это понятие со своим собственным опытом и своим собственным будущим (ведь если мудрый, добрый и справедливый дедушка Ленин хотел видеть коммунистами этих когда-то давно живших детей, то он, вероятно, прочил такую же судьбу и для всех последующих поколений советских ребятишек) было крайне непросто.

На противоположной стороне соответствующего разворота букваря Горецкого был представлен сюжет, посвященный братской дружбе многонационального советского народа: на фоне все той же «красной» карты с надписью «СССР» были изображены радостные, улыбающиеся дети – представители пятнадцати союзных республик в национальных костюмах, и текст первого куплета государственного гимна СССР⁶¹. Для «Алифбы» такой сюжет был неприемлем, поскольку изображение представителя автономной республики в одном ряду с его союзными сверстниками было бы политически не корректно. Поэтому его заменило изображение Красной площади, вероятно, символизировавшей весь Советский Союз, сопровождавшееся четверостишиями о кремлевских звездах, озаряющих своим светом весь мир, о Москве – «сердце нашей Родины» и о

⁵⁹ Там же. – Б. 93.

⁶⁰ Горецкий В.Г., Кирюшкин В.А., Шанько А.Ф. Букварь. – Изд. 9. – М., 1989. – С. 126.

⁶¹ Там же. – С. 127.

самой Родине как таковой⁶². Примечательно также было размещение в этом же блоке «политико-патриотических» материалов стихотворения «Самое прекрасное слово», четко разграничивавшего понятия Большой и Малой Родины: внуки просят бабушку – татарку (о чем явно свидетельствует ее костюм) назвать «самое ласковое», «самое близкое» слово на свете. И та называет: мать, отец, Родной край (именно с заглавной буквы) – ведь это и есть земля отца и матери. Над головой сидящей в кресле бабушки расположен эстамп с идиллической картинкой – тихая речка, плавно плывущая лодочка, отражающаяся в зеркальной водной глади, зеленеющий лес, бескрайние дали...⁶³

Отдельные советские символы и атрибуты, которыми был столь насыщен букварь Горецкого, встречались в «Алифбе» несопоставимо реже – не более чем на 10 % страниц. Причем подчас они были столь не тщательно прописаны, что их даже сложно было рассмотреть (например, октябратские звездочки на груди у детей).

Очень слабо прослеживалась в позднесоветской «Алифбе» и военно-патриотическая тема, игравшая, как известно, столь важную роль в деле воспитания подрастающих поколений советских ребятишек на протяжении многих лет. В букваре Горецкого она представлена и ретроспективно исторически (те же юные красные кавалеристы на игрушечных лошадках, убеленный сединами воин-ветеран, который «воевал за мир на Земле» и которому Сима и Зина принесли цветы, рассказ о посещении девочкой Лидой города-героя Волгограда и о дедушке – участнике Великой Отечественной войны), и современно-синхронно (советские воины, присягающие у красного знамени, пограничник с собакой – символический преемник славного сталинского героя Карацупы с его псом Ингусом)⁶⁴. В «Алифбе» же, кроме вскользь упомянутого в рассказе о семье служащего в армии дяди Ильяса, этот сюжет отсутствует вообще, а место погра-

⁶² Вэлитова Р.Г., Вагыйзов С.Г. Элифба. – 25 басма. – Казан, 1989. – Б. 92.

⁶³ Там же. – Б. 94.

⁶⁴ Горецкий В.Г., Кирюшкин В.А., Шанько А.Ф. Букварь. – Изд. 9. – М., 1989. – С. 23, 63, 64, 102, 108.

ничника занимает охотник с собакой, выслеживающий зайца⁶⁵. Скачущие на игрушечных лошадках мальчики – в отличие от их сверстников из букваря Горецкого – вообще избавлены от какой-либо политической символики⁶⁶.

Букварные тексты, а также заключенные в них повествовательные модели, вербализующие и визуализирующие историю жизни самого ребенка, его семьи и ближайшего окружения, а по существу – историю страны, в которой он живет, не могут быть верно прочитаны и интерпретированы без соотнесения их с такими системообразующими понятиями, как пространство и время, составляющими основу объяснительной картины мира. Букварь включает в себя множество сюжетов. Развертывание каждого из них происходит в некоем пространстве и в некоем времени, но все вместе они выстраиваются в определенную событийную последовательность, которая, по мнению авторов букваря, должна являть собой хронотоп «образцовой» детской повседневности как «слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом» (М. Бахтин). По утверждению того же М. Бахтина, ведущим началом в хронотопе является время, поскольку оно во многом определяет сам литературный жанр произведения⁶⁷. Применительно к букварю можно утверждать, что в абсолютном большинстве случаев действие, в котором принимал участие сам ребенок, его друзья, одноклассники, родные и близкие, разворачивалось здесь и сейчас. Это утверждение в равной степени касается и федеральных изданий, и национальной «Алифбы» и связано с учетом особенностей детского понимания и восприятия времени, когда система временных отношений еще только формируется. И если в букварь Горецкого все же включены русские народные сказочные сюжеты («Репка», «Волк и Лиса», «Лиса и Журавль», «Курочка Ряба» и др.), для которых характерно столь понятное и любимое ребенком (хотя и незафиксированное в тексте – сказки даны в виде комиксов) образное временное

⁶⁵ Вэлитова Р.Г., Вагыйзов С.Г. Элифба. – 25 басма. – Казан, 1989. – Б. 46, 78.

⁶⁶ Там же. – Б. 14.

⁶⁷ Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики: Сборник. – М., 1975. – С.234.

начало («жили-были», «как-то раз», «давным-давно»)⁶⁸, то в «Алифбу» помещена лишь единственная народная сказка – «Лиса и Гусь»⁶⁹. В отличие от «Алифбы», в букваре Горецкого в целях приобщения ребенка к советскому праздничному календарю прямо названы отдельные праздничные даты – 7 ноября 1917 года, когда «партия коммунистов во главе с В.И. Лениным повела народ на восстание», 9 мая – День Победы, когда мальчик с бабушкой – участником Великой Отечественной войны – был на встрече воинов-ветеранов⁷⁰. В «Алифбе» события «внешнего» событийного ряда и абсолютная («календарная») хронология практически отсутствуют вообще, а основным содержательным объектом становится описание жизни и быта ребенка и его семьи, которые и характеризуют время.

Между тем, если в целом темпоральная модель «Букваря» и «Алифбы» все же во многом совпадают, этого никак нельзя сказать о модели пространственной. «Букварь» открывает перед ребенком огромный, пока еще не познанный, но познаваемый мир: «Моя и твоя Родина – СССР. Прекрасна родная страна! Поля, леса, моря и реки!.. Пронесется поезда и автомобили. Плынут корабли. СССР – страна мира и труда», «велика и красива страна Советов». В этой большой стране есть разные города – Москва, Минск, Киев, Ленинград, и разные реки – Нева, Дон, Днепр, Двина и другие. Мир этот по мере знакомства с букварем все более расширяется: вот водолазы ведут подводные работы, Юрий Гагарин на космическом корабле облетел весь земной шар, а на самой «голубой планете Земля живут дети разных национальностей. У них различный цвет кожи. И говорят они на разных языках». Они «другие», но, как и все советские дети, «хотят счастья, светлого, солнечного неба» и готовы вместе с советскими ребятами «бороться за мир». Самолеты «Аэрофлота» могут перенести тебя в любую точку земного шара, а если учиться на отлично и заниматься зарядкой, то и собственные мечты о межпланетных путешествиях тоже вскоре

⁶⁸ Горецкий В.Г., Кирюшкин В.А., Шанько А.Ф. Букварь. – Изд. 9. – М., 1989. – С. 12, 14, 16, 18.

⁶⁹ Вэлитова Р.Г., Вагъйзов С.Г. Элифба. – 25 басма. – Казан, 1989. – Б. 90.

⁷⁰ Горецкий В.Г., Кирюшкин В.А., Шанько А.Ф. Букварь. – Изд. 9. – М., 1989. – С. 90, 102.

станут былью⁷¹. Букварь, кстати, и существует для того, чтобы, как сказано в фактически завершающем его стихотворении, увидеть «весь СССР, всю Землю с этой вышки»: «Тебе чудесные края откроет путь от «А» до «Я»⁷².

Предназначение «Алифбы» же оказывается совсем иным, хотя нигде прямо и не декларируется. Однако анализ и вербальной, и визуальной составляющей этого учебника отчетливо свидетельствует о том, что изображаемая на страницах татарского букваря реальность пространственно ограничена, поскольку представленная на страницах учебника культура – это культура преимущественно (если не сказать – исключительно) сельская. Подобный подход неизбежно ведет к сознательной «фрагментации», «самопоглощенности», сокращению масштаба изображенной на страницах учебника действительности. Именно село олицетворяет здесь Родину. Репрезентируемый образ жизни, занятия и поведение и детей, и взрослых, «населяющих» учебник, типичны для людей, живущих в деревне, в селе, в крайнем случае, в районном центре, но уж никак не в большом городе.

«Сельский» дискурс разворачивается уже на обложке. Там изображена радостная, улыбающаяся первоклассница, которую по дороге в школу в этот ее первый школьный день сопровождают не родители, не сверстники, не забавные персонажи известных сказок, как у Горьцкого, а дворовая собачонка. Такая картинка выглядит более чем странной применительно к ситуации большого города.

«Сельские» персонажи представляются в учебнике как «образцы социального поведения», им приписываются такие качества и черты, на которые следует равняться в нынешней и будущей жизни и которые обретают, таким образом, статус «идеальных» реалий. Дети вместе со взрослыми участвуют в сборе урожая, пасут лошадей, набирают воду в ведра на колонке, катаются на санках с горы на фоне деревенского пейзажа, помогают родителям на конюшне, на пасеке, в крольчатнике, на птичьем дворе: Алсу носит воду, Марат и Самат

⁷¹ Там же. – С. 54, 59, 71, 72, 77, 78, 91, 101, 124.

⁷² Там же. – С. 125.

поят лошадей, Сабир и Булат собирают мед, Чулпан кормит цыплят, Якуп и Гаяз кормят кроликов и т.д.⁷³ Они ходят на экскурсию на элеватор, а на концерт – в сельский клуб. «Наша семья большая, – сообщает «классический» букварный текст о семье. – Отец и мать работают в колхозе. Марьям-апа на ферме смотрит за скотом»⁷⁴.

В позднесоветской «Алифбе» нет ни одной картинке с изображением Казани как экскурсионно-мемориальной, так и новой, современной, не говоря уже об изображении других городов России и мира. Не упоминаются они и в текстах учебника. Детишки из татарского букваря никогда не покидают своего родного села (исключение составляет лишь сюжет «Слон», которого детям удалось увидеть в зоопарке⁷⁵), они радостно машут вслед пролетающим мимо самолетам, совсем не собираясь, в отличие от своих букварных сверстников, куда-либо лететь на них сами⁷⁶, а в некоем абстрактном «большом городе», о котором рассказывается на странице 76, есть только «завод», «фабрика», «много машин и людей на улицах» и «много школ». Понятие «много» представляется весьма размытым и неопределенным («много» – это сколько?), как, впрочем, и само описание города и сопровождавшая его картинка с изображением детей, идущих в школу, на фоне 5-8-миэтажных домов.

Очень показательным является разъяснение в «Алифбе» ряда повседневных понятий, например, понятия «машина». Впервые ребенок встречается с ним на странице 27, где изображен трактор с сеялкой, а под ними надпись: «Это машина. Машина сеет». На странице 31 изображен комбайн. Сопроводительный текст гласит: «Это машина. Машина рожь убирает». На странице 71 в тексте «Завод» поясняется, что на заводе делают машины, которые в колхозах и совхозах «сеют, жнут, молотят, веют». Единственный изображенный в учебни-

⁷³ Вәлитова Р.Г., Вагыйзов С.Г. Әлифба. – 25 басма. – Казан, 1989. – Б. 16, 34, 48, 53, 56, 61 и др.

⁷⁴ Там же. – Б. 78.

⁷⁵ Там же. – Б.72.

⁷⁶ Ср.: Горецкий В.Г., Кирюшкин В.А., Шанько А.Ф. Букварь. – Изд. 9. – М., 1989. – С. 30; Вәлитова Р.Г., Вагыйзов С.Г. Әлифба. – 25 басма. – Казан, 1989. – Б. 32.

ке легковой автомобиль появляется только на странице 92 – и то на Красной площади в Москве.

Такая сознательная отстраненность и закрытость от городской жизни в «Алифбе» в принципе была вполне объяснима. Учебник создавался для татарских сельских школ и применялся в то время, когда отток молодежи из села превратился в острую и трудноразрешимую проблему. Так зачем же было живописать перед юными, неокрепшими еще умами все прелести и соблазны городской жизни? Не лучше ли было просто умолчать об этом и максимально «эстетизировать» в то же время сельскую жизнь как идеал повседневности?

Вместе с тем, можно отметить, что, несмотря на локальную ограниченность, проблема репрезентации имперского советского пространства была решена в «Алифбе» достаточно успешно. Учащийся читать по такому букварю ребенок ощущал себя неотъемлемой частью своей великой многонациональной советской Родины, а зафиксированный на страницах букваря коллективный опыт представлял собой не столько сумму опытов локальных, региональных или национальных, сколько единый советский политический опыт, базирующийся на аскриптивной заданности каждой отдельной социальной судьбы. Букварное разнообразие выступало лишь формой, сутью же оставалось единство содержания. Как замечала И. Сандомирская, «имперский патриотизм советской Родины» успешно подавлял в данном случае доктрину пролетарского интернационализма⁷⁷. Колхоз, школа, детский сад, клуб, птицеферма, завод, фабрика, зоопарк, советская квартира, семья, сгрудившаяся у экрана телевизора, пионеры, сидящие в сумерках у горящего костра, новогодняя елка и церемония приема в октябрята – все это мало чем отличалось в Саратовской области, Татарии или Белоруссии. Эти привычные и знакомые атрибуты и признаки «советской жизни» незримо объединяли гораздо сильнее, чем все призывы к единению и дружбе народов, облаченные в плакатно-митинговую форму.

⁷⁷ Сандомирская И. Книга о Родине: Опыт анализа дискурсивных практик. – Wien, 2001. – С. 75.

Национальный дискурс в советской «Алифбе» был сильно потеснен дискурсом советским. Сигнификация национального осуществлялась путем помещения на страницах учебника совершенно стереотипных визуальных образов и простейших комментирующих их слов, фраз и текстов. «Алифбу» населяли и очеловечивали татарские дети и их родители, одноклассники и учителя, друзья и соседи. Изображения этих людей были достаточно стандартизированы, а «национальные» маркеры – типичны и немногочисленны: четко вырисованные антропологические черты лица, элементы национальной одежды (тюбетейки на головах мальчиков, платки на головах женщин, особенно пожилых), изображение национальной борьбы на празднике Сабантуй, танцоров в национальных костюмах на сцене, имена детей. Национальный дискурс татарского советского букваря не был ни назойливым, ни наступательным, ни уж тем более воинствующе-агрессивным. Русских в «Алифбе» не было вообще. Но, принимая во внимание схожесть социальной судьбы любого жителя советской деревни, вне зависимости от его национальной принадлежности, можно предположить, что нишу архетипического «другого» занимали в «Алифбе» не столько русские, сколько городские жители. Однако встретить их на страницах учебника было практически невозможно. Поэтому каждый читатель букваря волен был сам составлять представление об этих людях, исходя из своего детского опыта и восполняя пробелы за счет использования других источников информации (рассказы взрослых, телевидение и т.д.) и собственной фантазии.

Ситуация резко изменилась в начале 1990-х годов, когда крах советской системы и сопровождавшая его борьба за суверенитет и национальное возрождение внезапно потребовали создания новых учебников для начальной школы – как татарской, так и русской. Процесс этот оказался трудным и затяжным, полным находок и провалов, потерь, обретений и рискованных экспериментов.

Постсоветская ситуация: «переписывание» «Алифбы» в рамках этнонационального канона

Система «национального» образования республики в 1990-е годы оказалась в состоянии серьезного кризиса. С одной стороны, в провозгласившем су-

веренитет Татарстане наблюдался невиданный рост возможностей для реализации новой «национальной» образовательной политики. С другой стороны, ощущалось явное отсутствие необходимых сил и средств и должной подготовленности к переходу на новые «образовательные» рельсы. В школах не хватало учителей татарского языка: в условиях спада производства и безработицы ими подчас становились люди «с улицы», не имевшие специального педагогического образования, или молоденькие выпускницы педагогических училищ, не подготовленные для работы со старшеклассниками. Методики преподавания татарского языка для русскоязычных учащихся не были разработаны. В этих условиях именно учебникам, в том числе и букварям, принадлежала едва ли не самая важная роль в обучении татарскому языку, причем в особенности это касалось русскоязычных детей.

Ранние постсоветские буквари, как известно, по существу своему представляли собой лишь исправленный и дополненный вариант позднесоветских изданий. Не составила исключения в данном случае и «Алифба», медленно и постепенно избавлявшаяся от проявлений «советскости». Федеральный букварь оказался в этом смысле гораздо более мобильным, хотя, казалось бы, в сравнении с букварем Горецкого, который был буквально перенасыщен советской символикой и советскими сюжетами, решить этот вопрос в случае с более «аполитичной» «Алифбой» было гораздо проще.

Уже в издании «Алифбы» 1992 года изображение ритуала приема в октябрята на форзаце сменилось убирающими комнату детьми, а в основном тексте – стихотворением о мальчике Гали, подарившем бабушке цветы на день рождения, и соответствующей иллюстрацией. «Октябрьская песенка» Мусы Джалиля была заменена его же «нейтральной» «Колыбельной»⁷⁸, хотя в небольшом предисловии, рассказывающем о знаменитом татарском поэте-герое, он по-прежнему упоминался как автор «Октябрьской песенки» (не заметили? забыли убрать?). Сюжеты о Кремле, Москве и Ленине были заменены новогод-

⁷⁸ Ср.: Вәлитова Р.Г., Вагыйзов С.Г. Әлифба. – 24 басма. – Казан, 1988; Там же. – 28 басма. – Казан, 1992. – Форзац, б. 79, 99.

ним комплексом – данными на развороте стихотворениями «Дед Мороз» и «Елка».

Однако внесенные «поправки» были единичны и не изменили лица татарского букваря в целом. В нем по-прежнему достаточно много оставалось советских сюжетов, символики и атрибутики. Так, красные галстуки все еще продолжали рдеть на груди «букварных» детей, скульптура юного Ильича, как и раньше, стояла в читальном зале, а картина все с тем же портретом читающего вождя продолжала висеть над классной доской⁷⁹. В самом конце букваря под изображением огромной октябрятской звездочки было помещено стихотворение Р. Валиева «Алифба», заканчивавшееся вполне ударной концовкой: на обращенный к букварю вопрос детей, какую песню им спеть, букварь советовал спеть о «самом великом вожде» и призывал детей быть «похожими на Ильича»⁸⁰.

В изданиях середины 1990-х годов от всего этого не осталось и следа. Исчезло даже само упоминание об «Октябрьской песенке» в разделе стихов Мусы Джалиля, из стихотворения «Алифба» двустилишие о Ленине изъядли⁸¹. Исчезли с картинок красные пионерские галстуки⁸². Пропала из читального зала скульптура юного вождя, а вместе с ней – и портрет читающего Ленина в школьном классе, который заменили видом Казанского Кремля⁸³. Кстати, если внимательно присмотреться, то можно заметить, что изменилась и висящая на стене класса стенгазета: раньше в ней доминировал красный цвет и его оттенки, в газетных изображениях можно было распознать красную звезду и колонну, идущую с красным флагом. Теперь в оформлении газеты преобладали спокойные зеленые тона – и никакой политики⁸⁴. «Колхоз» и «совхоз» в текстах заменили «деревней», «колхозник» стал «хлеборобом»⁸⁵. По непонятным причинам служив-

⁷⁹ Там же. – 28 басма. – Казан, 1992. – Б. 17, 28, 44, 58, 76, 85 и др.

⁸⁰ Там же. – Б. 95.

⁸¹ Там же. – 31 басма. – Казан, 1995. – Б. 95, 100.

⁸² Там же. – Б. 28, 44.

⁸³ Там же. – Б. 58, 85.

⁸⁴ Ср.: Там же. – 28 басма. – Казан, 1992. – Б. 85, Там же. – 31 басма. – Б. 85.

⁸⁵ Там же. – 31 басма. – Казан, 1995. – Б. 69, 70, 71, 95.

ший в прежних изданиях в рядах Советской армии Ильяс-абый из текста «Моя семья» теперь стал трактористом (то ли уже отслужил, то ли в тогдашнем Татарстане, провозгласившем независимость, служба в рядах армии «другого» государства уже не поощрялась?)⁸⁶

В таком виде «синяя» «Алифба» издавалась и в последующие годы. Например, издание 1996 года полностью повторяло издание года 1995⁸⁷. Идентичным было и издание 1997 года, правда, многострадальный текст «Наш класс» в конце концов убрали совсем, заменив текстом «Белые лебеди» и соответствующей картинкой с плывущими по усыпанному кувшинками озеру великолепными гордыми птицами⁸⁸.

Таким образом, могло возникнуть ощущение, что героями постсоветской «Алифбы» 1990-х годов – татарскими мальчиком или девочкой, а вместе с ними и всем их ближайшим окружением – были люди нового времени, живущие в новом государстве и оттого строящие свою жизнь по-новому, люди, избавившиеся от прежних проявлений «советскости» и успешно встроившиеся в постсоветскую действительность. На самом деле все было не так. И если в реалии черты и проявления «советскости» противостояли, боролись и переплетались с признаками постсоветской жизни, то в татарском букваре они сохранялись практически в полной неприкосновенности. Символику убрали, но прежний смысл учебника сохранился.

Внимательное прочтение и разглядывание учебника показывает, что на протяжении всех 1990-х годов «Алифба» оставалась вполне «советской» учебной книгой. При этом она не просто наследовала советские практики составления букварей, но проповедовала вполне «советские» (впрочем, близкие к общечеловеческим) ценности: трудолюбие, прилежание, послушание, заботливость, взаимопомощь, уважение к старшим, любовь к природе и родному краю, чистоплотность, аккуратность. Их демонстрировали как взрослые, так и детские персонажи букваря (и как экторы, и как наблюдатели). Кстати сказать, боль-

⁸⁶ Там же. – Б. 78.

⁸⁷ См.: Вәлитова Р.Г., Вагыйзов С.Г. Әлифба. – 32 басма. – Казан, 1996.

⁸⁸ Вәлитова Р.Г., Вагыйзов С.Г. Әлифба. – 33 басма. – Казан, 1997.

шинство представленных в учебнике персонажей были именно экторами – пассивная созерцательность как способ времяпрепровождения и отношения к действительности авторами книги отнюдь не пропагандировалась и не поощрялась. Но эти нетленные ценности никак не дополнялись новыми, продиктованными временем, «постсоветскими» нормами и образцами. Манера поведения, занятия, одежда, игрушки, мимика, жесты, позы и детей, и взрослых несли на себе печать неистребимой «советскости». В книге не было ни одного отрицательного или комического героя, ни одного маленького обаятельного сорванца – будь то ребенка, животного или сказочного персонажа, на которые всегда была столь щедра и богата великая русская детская литература. Даже на тех рисунках, где дети были изображены в момент отдыха, они выглядели излишне серьезными и сосредоточенными, мало улыбались. Такая «правильность» обращалась в скучность.

Именно дети, что само собой разумеется, и были главными персонажами «Алифбы» 1990-х годов, но эти дети как будто заглянули сюда из прошлого. Мальчики, одетые в традиционную советскую школьную форму, носили пилотки и фуражки, девочки – черные и белые фартуки, которые в то время было уже практически невозможно отыскать в магазинах республики. Вместо бывших тогда в употреблении рюкзаков дети ходили в школу с портфелями и ранцами. Они сидели за партами образца 1950-х годов, считали на счетах и вышивали крестиком на пяльцах. Вне школы они также были одеты по моде тридцатилетней давности: разгуливали на улице в майках (известных в советское время как «тельники»), шароварах, шапках-ушанках и пальто с меховыми воротниками (тогда как почти все дети в это время уже одевались в куртки), обувались в странные голубые ботинки, уродливые сандалии и черные резиновые сапоги. Некоторые из них ходили по улице босиком (например, Алсу, которая набирает в ведра воду на колонке). Все девочки без исключения носили косы и завязывали банты. В учебнике не было ни одного ребенка, одетого в джинсы.

Вещно-предметный мир, окружающий этих детей, давно и безнадежно устарел: бытовая техника, мебель, посуда, игрушки. Игрушечную коляску, изо-

браженную на странице 13, автор этих строк, помнится, катала во времена своего далекого детства в начале 1960-х годов. Совершенно потрясает раритетный грузовик, с которым играет мальчик на странице 25. Но особенно впечатляет изображенная на страницах «Алифбы» бытовая и прочая техника. Чего стоит один только телевизор, вокруг которого сгрудилась вся семья на странице 78, швейная машинка, на которой шьет девочка на странице 51, или грузовики на странице 80!

Сверхсемиотичными оказались и изображенные в букваре взрослые: все они почти неустанно трудились (преимущественно физически), но, несмотря на это, были плохо одеты и жили в крайне аскетичной, если не сказать убогой, обстановке. Труд как дело чести (вне зависимости от степени вознаграждения за него) представлял собой, как известно, одну из базовых советских идеологем. И потому идея трудового воспитания была сформулирована и представлена в «Алифбе» четко и определенно, можно сказать, даже в ущерб некоторым другим советским базовым ценностям, в частности, идее семьи как ячейки общества – «семейные» сюжеты, в отличие от «трудовых», в «Алифбе» были единичны.

Помещенные в книгу образы взрослых являлись весьма стереотипными: если продавец книжного магазина – то пожилая, строгого вида женщина в очках, если учительница – то такая же строгая женщина, в тех же очках, да еще и в обязательном «английском» костюме с белой блузкой, если воспитательница детского сада – то в белом халате и белой косынке и т.д. Эти люди были столь же серьезны, малоулыбчивы и скучны, как и их дети. Интересно заметить, что все они – и мужчины, и женщины – обязательно носили на правой руке часы (символ высокого благосостояния или пунктуальности, а, может быть, моды того времени?) Ни у кого из них не было ни легковых автомобилей, ни достойных бытовых условий жизни. Так, например, на странице 47 мать вытаскивает выстиранное белье из стиральной машины, но в то же время отец и сын подносят воду для этой же машины ведрами. А посуду персонажи учебника моют не под проточной струей воды, а в тазу (с. 89).

Патриархальны были и гендерные установки, заполнившие учебник. «Мать наливает суп» (с. 29), «мать просеивает муку» (с. 33), «мать месит тесто. Она в печи печет хлеб» (с. 40), «мать стирает белье» (с. 47) – вечная, неутомимая труженица! Женщина из «Алифбы» работала в поле или выращивал цыплят, трудилась в типографии или на фабрике, это был продавец или воспитательница детского сада, часто учительница, реже – врач, и никогда – руководитель или лицо творческой профессии. В «Алифбе» 1990-х годов, кстати, вообще отсутствовал такой классический букварный сюжет, как «Кем быть?». И если букварь Горецкого предлагал ребенку стать строителем, кассиром, слесарем, таксистом и даже историком или космонавтом⁸⁹, то будущее юных читателей «Алифбы» было очевидно: им следовало повторить жизненный путь своих родителей, остаться или вернуться в родную деревню, а не стремиться к каким-то неясным, призрачным, по мнению авторов учебника, высотам. Жизнь как будто застыла, законсервировалась на страницах этого учебника, а время повернулось вспять.

Причина такой «устарелости» «синей» «Алифбы» была отчасти понятна – к середине 1990-х годов она выдержала (правда, с изменениями) уже более 30 переизданий. Объяснима была и приверженность издателей к прежнему визуальному ряду учебника: в 1965 году этот букварь по оформлению занял первое место в России (художник И.Я. Язынин). Но ведь с тех пор прошло уже столько лет, и для «постперестроечного» ребенка предлагаемые (и идеализируемые) букварем образы были весьма отдаленны, почти сказочны. Этот ребенок, особенно городской, который вынужден был учиться по предлагаемому изданию, жил уже в другом мире, и воспроизведенная на страницах учебника советская «идеальная реальность» была для него не просто далека, она была мало привлекательна: к такой жизни не хотелось стремиться, ей не хотелось подражать. В учебнике, таким образом, был нарушен один из главных для детского издания принципов – принцип узнаваемости и, соответственно, ощущения принадлеж-

⁸⁹ Горецкий В.Г., Кирюшкин В.А., Шанько А.Ф. Букварь. – Изд. 12. – М., 1992. – С. 30.

ности, «близости» («belonging»), которая, как известно, конструируется социально⁹⁰.

Поскольку «Алифба» была букварем национальным, здесь должны были реализовываться свои политики видения и оценивания мира и, прежде всего, политика национальная. Возможности отхода от общесоветской педагогической парадигмы создали гораздо более комфортные, чем прежде, условия для укрепления национальной идентичности и утверждения национальной культурной специфики. Описывая нацию как культурный артефакт, Б. Андерсон расценивал ее символы как репрезентации культурного процесса по созданию новой идентичности⁹¹, и национальному букварю принадлежало среди них, без всякого сомнения, одно из первых мест. Этноцентричные по определению, «национальные» учебники всегда строились по принципу «Мы и Другие»⁹². Однако, как показывает сопоставление советских и постсоветских изданий «Алифбы» 1990-х годов, «национальные» маркеры оставались в них практически неизменными, и в целом их было немного (все те же четко прописанные антропологические черты лица, тюбетейки, платки, ичиги, книги на татарском языке на полках, портреты классиков татарской литературы – Габдуллы Тукая, Галимджана Ибрагимова, Мусы Джалиля, праздник Сабантуй, выступление татарского детского танцевального ансамбля, имена детей). К этим учебным изданиям успешно можно было применить слова Г. Касьянова об «учебниковой» инерции, когда набор усвоенных в начале 1990-х годов штампов переходил из издания в издание, «не становясь объектом какого-либо переосмысления, превратившись в практически невидимый и неосязаемый, но весьма унылый сте-

⁹⁰ Bauman Z. *Modernity and the Holocaust*. – Cambridge, 1991. – P. 12-27.

⁹¹ Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. – L., 1991.

⁹² Этим противоположением детей было не удивить, поскольку в полиэтнических регионах ребенок, как известно, очень рано усваивает стиль межэтнических отношений и столь же рано обретает собственную эмоциональную позицию по отношению к этнически Своим и Другим, проживающим в едином геополитическом пространстве. (См.: Мухина В.С. *Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество*. – М., 1999. – С. 315).

реотип», главным достоинством которого было соответствие стандартному национальному канону⁹³.

Однако в новых условиях «суверенизации» персонажи национального букваря должны были не просто демонстрировать атрибуты национальной культуры – они должны были стать носителями и трансляторами национальных традиций и ценностей, более того – некой «этнической эксклюзивности». Вот тут-то вполне и пригодилась «сельская» ориентация учебника, поскольку именно сельское локальное социокультурное пространство характеризуется, как известно, своей «традиционностью». Однако если подобное сочетание «национального» и «сельского» было вполне уместно вплоть до начала 1990-х годов, когда «Алифба» была ориентирована на сельскую татарскую школу, то теперь ситуация существенно изменилась. По этому букварю стали учиться городские дети, и подобное выстраивание нарратива неизбежно обрекало учебник на коммуникативный разрыв и трудности в понимании и транскрибировании предложенных текстов, причем как русскими, так зачастую и татарскими городскими школьниками. Городской ребенок был удивлен – ведь он редко видел на улице мальчиков в тюбетейках, а маму в домашней обстановке – в белом головном платке. Он испытывал ощущение скорее не мультикультурности, а некой инаковости. Когда мы попросили оценить этот учебник одну из нынешних казанских первоклассниц, она заявила, что изображенные в нем дети – «какие-то другие, не такие, какими дети бывают»⁹⁴. Большинство из опрошенных нами молодых людей, поступивших в первый класс городских и сельских школ Татарстана в 1995-1996 годах и ныне живущих в Казани (22 татарина, 19 русских), вспомнили эту самую «Алифбу» – свой первый учебник родного/татарского языка («где на обложке девочка с цветами в школьной форме с портфелем»), похвалили ее за красочностью, но при этом заметили, что у них во многом именно благодаря «Алифбе» и учебникам татарского языка уже в ранние школьные годы сложилось устойчивое представление об «исключительной

⁹³ Касьянов Г. «Пикник на обочине»: Осмысление имперского прошлого в современной украинской историографии // Новая имперская история постсоветского пространства. – С.85.

⁹⁴ Интервью с Полиной Ч., 2002 года рождения // Архив автора.

сельскости» татарской культуры⁹⁵. Это не могло не затормозить процесс обучения татарскому языку и приобщения к нему, поскольку в представлении некоторых детей этот язык сопрягался именно с «сельскостью» и обретал мнимую «ненужность» в городских условиях⁹⁶. Этот букварь скорее разъединял, нежели чем объединял, хотя целенаправленно и не ставил перед собой такой задачи.

Впрочем, справедливости ради следует отметить, что, несмотря на доминирование «этнокомпонента», авторы «синей» «Алифбы» не стали лишать татарских детей некоторых ставших обычными и привычными для них культурных артефактов, далеко отстоящих подчас от мусульманской традиции. Например, в противоположность своим московским коллегам, заменившим в позднесоветских букварях практически избавленную к тому времени от откровенно выраженных политических коннотаций советскую новогоднюю елку «политическими» праздниками и празднествами, а позднее – просто изъявшим ее из букварного текста, составители татарских букварей не стали лишать детей их любимого новогоднего праздника. Вместо советских «политических» сюжетов в «Алифбе» 1990-х годов, как уже отмечалось, появляются (пусть и довольно стандартные) картинки с изображением новогодних празднеств и соответствующие им стихотворные тексты: дети, катающиеся с ледяной горки, сгрудились вокруг Деда Мороза, принесшего подарки; мальчики и девочки достают из коробок елочные игрушки и развешивают их на большой елке⁹⁷.

Таким образом, претерпев определенную, но в общем-то незначительную эволюцию на протяжении 1990-х годов, к началу нового тысячелетия «синяя» «Алифба» представляла собой причудливую смесь советского и национального, причем одно зачастую репрезентировалось за счет другого. Сам способ подачи «национального» был по большому счету традиционно советским, хотя ни в ко-

⁹⁵ Анкеты Р. Ш., татарина, 1989 года рождения, О. Д., русского, 1989 года рождения // Архив автора.

⁹⁶ О трудностях с преподаванием татарского языка в школе в середине 1990-х годов и возможных путях их преодоления см., например: Әсәдуллин А., Фәтхуллова К. Сөйләшәргә тел булсын // Мәгариф. – 1995. – № 6. – С. 10-11.

⁹⁷ Ср.: Вәлитова Р.Г., Вагыйзов С.Г. Әлифба. – 24 басма. – Казан, 1988; Там же. – 28 басма. – Казан, 1992. – Б. 92-93.

ем случае нельзя утверждать обратное – способ подачи «советского» был наднационален. Вводя ребенка в пространство татарского языка, учебник давал лишь слабую возможность проникнуть в пространство татарской культуры, представленной преимущественно в виде отдельных и не всегда понятных и «прочитываемых» символов и знаков. «Постсоветскость», в том числе и как актуализация этничности в структуре личностной идентификации, и как постулирование суверенизации, в учебнике не просматривалась вообще. Традиционализм и дезурбанизм ограничивали возможности отображения постсоветской жизни и, прежде всего, постсоветской повседневности, хотя именно повседневность и была «главным героем» этого учебника.

Совершенно другую картину являла собой «красная» Алифба» Р.Г. Валитовой и С.Г. Вагизова для первого класса 4-хлетней татарской школы, которая преимущественно в татарских школах и классах и применялась. Это был букварь, обучавший – в отличие от «синей» «Алифбы» – родному языку, о чем свидетельствовало, в частности, помещенное на третьей странице этого издания известнейшее стихотворение классика татарской поэзии Габдуллы Тукая («Родной язык – святой язык, / Отца и матери язык, / Как ты прекрасен! Целый мир / В твоём богатстве я постиг!»). Первое издание книги вышло в 1986 году, затем последовали переиздания 1993, 1994, 1995 годов – и так вплоть до настоящего времени.

Этот учебник оказался гораздо более «национальным» и гораздо менее «советским», хотя постсоветский дискурс был здесь обозначен еще очень слабо. Рассмотрим в качестве примера издание «красной» «Алифбы» 1995 года⁹⁸, когда, с одной стороны, прошло еще не так много времени, чтобы полностью избавиться от проявлений «советскости» и полностью «переписать» учебник, а, с другой, вполне достаточно, чтобы существенно обновить и видоизменить его.

«Красная» «Алифба» представляла собой яркое, красочное издание, избавленное от реалистически будничного изображения действительности в

⁹⁸ Вәлитова Р.Г., Вағызов С.Г. Әлифба: Дүртъеллык башлангыч мәктәпнең 1нче сыйныфы өчен дәреслек. – 4 басма. - Казан, 1995.

пользу фольклорно-сказочного и полусказочного нарратива, что особенно очевидно проявилось в ее визуальной риторике (рисунки к учебнику были сделаны народным художником Татарстана Т. Хазиахметовым, известным графиком, проиллюстрировавшим множество книг, в том числе и татарских сказок, для детей). Дети – персонажи «Алифбы» – как будто сами пришли сюда из детской книги или из сказки. Позы их были естественны и непринужденны, мимика и жесты выразительны и эмоциональны. Эти дети были живыми, подвижными – такие, какими и должны быть дети, и при этом – улыбающиеся, размышлявшие, разговаривавшие, плакавшие – очень естественными. По страницам букваря юного читателя постоянно сопровождал маленький симпатичный паренек в татарской национальной одежде. Он то прислушивался к крикам ослика («И-а, и-а»), то с криком убегал от несущегося за ним пчелиного роя, то пытался справиться с огромной ложкой, щеткой или телегой, которые по размерам в несколько раз превосходили его собственный рост. Этот персонаж органично вписывался в визуальный ряд книги – он был хоть и вымышленный, но живой, настоящий.

Самих детей в этом учебнике, по сравнению с «синей» «Алифбой», было гораздо больше, и они были гораздо активнее вовлечены в свои «детские» занятия – гуляли на берегу речки среди великолепных цветов, играли в песочнице, катались на лодке, скакали на игрушечных лошадках, собирали цветы и ягоды на полянке, делали гимнастику, играли в прятки, купались и т.д. И даже когда им приходилось заниматься серьезным делом – учить уроки, читать, считать, работать в школьной мастерской, помогать по хозяйству родителям, они делали это легко и свободно, увлеченно и с не показным энтузиазмом. Да, многие из этих мальчиков и девочек тоже жили в деревне и занимались сельским трудом: пилили дрова, кормили кур, гусей и кроликов, поили лошадей, но эта деревня была живописна и привлекательна, и туда хотелось попасть.

«Красная» «Алифба» была учебной книгой, существенно расширившей свой пространственный охват по сравнению с «синим» изданием. Хотя она еще и не выводила ребенка за границы Татарстана, но с традиционной «сельско-

стью» отныне было покончено. В книгу были включены картинки и тексты о столице республики – Казани и об отдельных достопримечательностях города. Изображение театра оперы и балета с разноцветьем из роз на переднем плане сопровождалось следующим разъясняющим текстом: «Вот Казань. Она – столица Татарстана. Это площадь Свободы. Там много высоких зданий. Посередине площади растут розовые, красные, белые розы. Здесь проходят большие праздники»⁹⁹. На наш взгляд, несколько сложно было объяснить, почему именно оперный театр – без всякого сомнения, красивое, но далеко не самое знаковое для столицы Татарстана здание, отстроенное пленными немцами на центральной площади города в первые послевоенные годы, было выбрано составителями букваря в качестве символа татарской столицы. Текст породил целый ряд вопросов: почему площадь названа площадью Свободы? Какие еще «высокие здания» там располагаются? Какие «большие праздники» там проходят? Целесообразнее, вероятно, было бы дать общий вид площади, но этого никак нельзя было сделать по «идеологическим» соображениям, поскольку в центре ее возвышался (и продолжает возвышаться до сих пор) памятник вождю мирового пролетариата с окружавшей его массивной трибуной, где во время октябрьских и первомайских демонстраций (не об этих ли «больших праздниках» шла речь?) находилось руководство республики. Обращала на себя внимание «безлюдность» картинки – театральные двери плотно закрыты, на площади не видно горожан или городского транспорта, хотя в действительности место это весьма оживленное.

На странице 113 учебника можно было найти изображение памятника выдающемуся татарскому поэту Г. Тукаю и окружающего его сквера (впрочем, такое же «безлюдное») и рассказ о некоторых других памятниках Казани («В городе Казани много памятников. Вот памятник народному поэту Габдулле Тукаю. На красивой площади в Казани стоит памятник поэту Мусе Джалилю. Недавно поставили памятник Муллауру Вахитову»)¹⁰⁰. Что представлял собой

⁹⁹ Там же. – Б. 85.

¹⁰⁰ Там же. – Б. 113.

большевик, комиссар, татарский политический деятель Мулланур Вахитов, в букваре, естественно, не объяснялось, поскольку, помимо партийной принадлежности этого человека, совершенно не вписывающейся в контекст постсоветского учебника середины 1990-х годов, охарактеризовать его односложно было бы просто невозможно.

Изображенные в букваре современные средства передвижения заключали в себе потенциальную возможность перемещения, причем в комфортных условиях и на большие расстояния (самолет «Аэрофлота», электровоз и пр.)¹⁰¹. Теперь «машиной» для юного пользователя букваря был и грузовик, и автобус, и легковой автомобиль¹⁰², хотя и представленная в учебнике сельскохозяйственная техника выглядела вполне современно¹⁰³.

Вместе с тем, элементы «советскости» в «красной» «Алифбе» были, конечно же, до конца не изжиты. Так, на странице 64 учебника вновь появляются все те же вполне «советские» пограничники с собакой («Враг не дремлет! Граница на замке!», а в нашем случае – «на границе пограничники. Они всегда на страже. На границе тихо. Слава пограничникам!»)¹⁰⁴. От кого охраняют границу эти доблестные воины, можно только догадываться, но, судя по маячащим в голубой дали высоким горам у них за спиной и растущим у подножия большого валуна кустам барбариса, «кавказская» тема напрашивается сама собой (ведь учебник увидел свет в разгар первой чеченской войны). Странно выглядит и амуниция этих солдат: ни на погонах, ни на петлицах, ни на нашивках, ни на фуражках нет никаких опознавательных знаков, хотя форма у них вроде бы российская. Однако то, что это «парни из Татарстана», можно предположить по четко прописанным антропологически выраженным чертам их лиц. Думается, что на волне суверенизации и развернувшейся кампании в поддержку службы татарстанских призывников исключительно на территории самой республики,

¹⁰¹ Там же. – Б. 77,100.

¹⁰² Там же. – Б. 89.

¹⁰³ Там же. – Б. 18, 70,102.

¹⁰⁴ Там же. – Б. 64.

однозначно поддержанной матерями всего многонационального Татарстана, такая картинка о многом говорила если не детям, то их родителям точно.

Большое место в рассматриваемом издании «Алифбы» заняли сюжеты, связанные с Великой Отечественной войной, недаром оно вышло в 1995 году – в год 50-летия Победы. На странице 76 находим рассказ «Мой дедушка – герой» («Он летал на самолете. На войне был героем»)¹⁰⁵, на странице 104 – текст об Ахате-бабае, ветеране войны и труда, и, наконец, на странице 114 – большой текст «День Победы» («Ветераны Великой Отечественной войны собрались на городской площади. Захит-абый с внуком Ильхамом тоже пришли. Грудь героев-воинов украшают ордена и медали»)¹⁰⁶. Героям войны следует подражать («вырасту, тоже стану летчиком»)¹⁰⁷, их нужно уважать и окружать заботой и вниманием («им ученики всегда помогают»)¹⁰⁸, их чтят и живых, и мертвых («в день Победы каждый возлагает цветы к памятнику. Хади, Хания и Фагима тоже возложили к памятнику цветы»)¹⁰⁹. Это незыблемые ценности, и против этого нечего возразить.

«Этнокомпонент» в «красной» «Алифбе» середины 1990-х годов резко усилился: в том или ином проявлении он присутствовал практически на каждой странице букваря. Многие дети и взрослые были изображены в книге в национальной одежде или с ее отдельными атрибутами: мальчики и мужчины в тюбетейках, девочки – в фартуках, женщины – причем не только пожилые (как в «синей» «Алифбе»), но и молодые – в головных платках, повязанных особым образом, фартуках, ичигах и кожаных тапочках с национальным орнаментом, в серьгах специфической формы, в браслетах на обоих запястьях и пр. Характерно то, что молодые женщины облачались в традиционную одежду преимущественно в домашней обстановке, а пожилые – повсеместно¹¹⁰. Девочка Нафиса в день своего рождения, в отличие от приглашенных подружек, наряжена в на-

¹⁰⁵ Там же. – Б. 76.

¹⁰⁶ Там же. – Б. 114.

¹⁰⁷ Там же. – Б. 76.

¹⁰⁸ Там же. – Б. 104.

¹⁰⁹ Там же. – Б. 114.

¹¹⁰ Там же. - Б. 15, 31, 32, 34, 55, 60, 65, 72, 75, 104 и др.

циональный костюм¹¹¹. Одновременно вне дома мы видим женщин во вполне современной одежде: врача в белом халате-мини (с. 14), учительницу физкультуры в облегающих узких брючках и свитерке (с. 42), учительницу начальных классов – с хорошей стрижкой «каре» и в стильной красной кофточке (с. 56) и др.

На страницах книги появилось много героев татарских народных сказок, существующих, как известно, и в авторских пересказах («Болтливая утка» А. Алиша, «Водяная» и «Шурале» Г. Тукая), которые, что вполне естественно, также были одеты в татарскую национальную одежду¹¹². В такую же одежду были облачены в учебнике и персонажи русских народных сказок (скажем, Лиса и Журавль)¹¹³. Любимыми куклами у девочек тоже были отнюдь не Барби, а куклы в национальных костюмах¹¹⁴. В букваре присутствовали тексты и соответствующий визуальный материал, повествующий о национальном народном промысле – изготовлении кожаных сапог (ичигов)¹¹⁵. Хотя в детском саду детям предлагали ставшие уже вполне «интернациональными» «борщ, щи и кашу», в гостях их угощали татарскими национальными блюдами – эчпочмаком и бэлешом¹¹⁶.

Юные джигиты скакали на игрушечных лошадках на странице 30 с развевающимся флагом суверенного Татарстана в руках. Красно-зеленые цвета флага преобладали даже на их головных уборах – тюбетейке и жокейке. Двое других играющих в песочнице ребяташек – мальчик и девочка – с восхищением смотрели им вслед¹¹⁷.

Большой знаковый смысл несла картинка, изображающая татарского мальчика в национальном костюме с указкой у огромной красной карты с над-

¹¹¹ Там же. – Б. 110.

¹¹² Там же. – Б. 22, 36, 68. Попутно заметим, что изображая главную героиню одноименной сказки – золотоволосую Водяную, художник не погрешил против сюжета и не побоялся вполне целомудренно, но совершенно открыто показать обнаженное женское тело, что в принципе совершенно не соответствовало правилам «букварных» изданий.

¹¹³ Там же. – Б. 12.

¹¹⁴ Там же. – Б. 5, 8, 28, 32 и др.

¹¹⁵ Там же. – Б. 47.

¹¹⁶ Там же. – Б. 110, 116.

¹¹⁷ Там же. – Б. 30, 52.

писью «Татарстан». Мальчика окружали его сверстники в костюмах бывших союзных республик, а ныне – независимых государств. Была среди них и русская девочка в сарафане и кокошнике. Внизу располагался текст: «Вот карта Татарстана. Татарстан – Родина. Родина – страна (край) дружбы. А они – дружные братья». Отныне, наконец, стало возможным сделать то, что недопустимо было в советской «Алифбе»: Татарстан был представлен в тексте и на картинке наравне с другими, равным среди равных, в том числе и с Россией¹¹⁸.

Не удивительно, что воспитанные на таком букваре дети впоследствии путались, определяя политико-географический статус Татарстана, и зачастую при опросах даже восьмиклассники нередко называли его «страной»¹¹⁹.

Оптика указанного букваря не представляла возможности для рассмотрения, а, следовательно, и ознакомления ребенка с таким феноменом, как «нетитульные» этнические группы. И это четко прослеживалось даже визуально. Черты лица букварных персонажей были тщательно прописаны и не оставляли сомнений в их этнической принадлежности. Во всем учебнике при изображении жителей Татарстана – и больших, и маленьких – не встречалось ни одного блондина, которых, впрочем, на самом деле даже среди татар более чем достаточно. Не встречалось в нем и ни одного русского имени. Таким образом, герои «Алифбы» были как будто бы сознательно изолированы от окружающего их многонационального пространства.

«Другие» представлены были в указанном букваре очень ограниченно. Помимо вышеописанной сцены у карты Татарстана, можно упомянуть, пожалуй, лишь торжественное шествие по бахче, усыпанной не только плодами, но и цветами, улыбающихся детей, радующихся богатому урожаю. Это представители среднеазиатских государств – девочка, несущая большую дыню, и мальчик верхом на ослике, везущий арбуз, а вместе с ними – и татарский мальчуган, с трудом удерживающий в руках огромную тыкву. Все дети одеты в национальные костюмы.

¹¹⁸ Там же. – Б. 52.

¹¹⁹ Об этом см. подробнее: Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. – Казань, 2007. – С. 223.

Однако несправедливо было бы не заметить, что в этом учебнике уже был виден размах, выход за узкие, «ограничительные» территориальные рамки, сочетавшийся со строгим «родиноведческим» подходом, и при этом – с несвободой от идеологии. Противопоставить ему в это время можно было, пожалуй, лишь «Азбуки» и другие учебные пособия, предназначенные для обучения русскому языку учащихся татарских школ, где межнациональные коммуникации были обозначены гораздо сильнее¹²⁰.

В целом, следует подчеркнуть, что 1990-е годы со всей их сложностью и нестабильностью, но вместе с тем и их «революционностью», решительным отторжением старого и смелыми поисками принципиально нового и, как казалось тогда, совершенного, не могли не отразиться на национальном букваре «Алифба». Идеологическая заданность тогдашних букварей была полностью созвучна требованиям эпохи. «Алифба» становилась в определенной степени символом нового, суверенного Татарстана, и должна была в доступной, понятной и привлекательной форме отражать и представлять особенности национальной татарской культуры и национального менталитета. Эти задачи решались в «Алифбе» того периода достаточно наивно (что совершенно неплохо для букваря) и эклектично, причем одним из главных средств в их решении становилось широкое использование вербальных и особенно визуальных образов татарского ребенка и его ближайшего окружения. Результаты экспериментов по изменению и обновлению старого советского национального букваря, осуществленные на протяжении 1990-х годов, были осмыслены и учтены при создании следующего поколения национальных учебных изданий такого рода, пришедшимся на первое десятилетие нового века.

Переход к новому поколению учебников: 2000-е годы

В начале 2000-х годов вопрос об учебниках татарского языка стал в республике с новой остротой. Оканчивало школу первое поколение детей, пред-

¹²⁰ См., например: Асадуллин А.Ш., Ягафарова Р.Х. Азбука: Учебник для 1 класса четырехлетней татарской начальной школы. – Казань, 1991.

ставители которого – все, без исключения – в соответствии с принятыми правительством Татарстана решениями изучали татарский язык на протяжении десяти лет в равных объемах с русским языком. Но результаты реализации новой языковой политики оказались не вполне такими, как это первоначально предполагалось. Опросы показали, что многие городские школьники (в первую очередь, иноязычные) так и не сумели заговорить на татарском языке. И причина заключалась здесь отнюдь не в негативном отношении к этому языку со стороны учащихся. Так, во время проведенного нами в ноябре 2000 года письменного опроса в одной из казанских школ¹²¹, даже русскоязычные дети старались аргументировано обосновать необходимость изучения татарского языка в Татарстане: «Я отношусь к двум государственным языкам в Татарстане хорошо, так как живут в одной республике два народа, русские и татары» (Гриша Ч.); «два языка в одной стране. Ничего плохого я в этом не вижу» (Миша А.); «хотя я и чисто русская, я понимаю, что татарский язык необходим для нашей республики» (Катя Б.) и др. Но вслед за этим те же дети писали о низкой эффективности преподавания татарского языка в школе: «Я первого класса мы изучаем татарский язык. Но до сих пор мы говорить по-татарски не умеем» (Аркадий К.); «в школе у нас стало больше уроков татарского. Но... мы так и не научились говорить или хотя бы что-то понимать на этом языке» (Олеся Р.); «все родственники обращаются ко мне по-татарски, а я даже не могу с ними поговорить» (Лия М.); «многие татары из нашего класса не знают свой язык» (Аяз Д.); «больше всего плохо то, что мы все равно не знаем по-татарски» (Диана А.) и др. Лишь одна-единственная девочка-татарка заявила, что «совершенно свободно владеет обоими языками» – татарским и русским.¹²²

Такой ситуацией были обеспокоены и родители учащихся, в первую очередь, безусловно, те, для кого татарский язык был родным. И многие из них причину сложившегося положения видели в несовершенстве школьных учебников татарского языка. «Неужели непонятно, – писала в январе 2002 года в

¹²¹ Опрошено было более 100 детей в возрасте 11-14 лет.

¹²² Цит. по: Сальникова А.А. Российское детство в XX веке. – С. 222-225.

редакцию газеты «Вечерняя Казань» бабушка одной из учениц, – чтобы научить детей разговаривать по-татарски, нужны хорошие учебники. Ведь дети не хотят учить татарский из-за таких учебников, составителям которых давно пора задуматься: если не виден результат, то зачем тратить на это время»¹²³.

В действительности же с начала 2000-х годов ситуация с учебниками татарского языка в республике начала существенно меняться, что не могло не затронуть и букварные издания. Первые наметившиеся изменения были связаны с попытками перехода на латинскую графику, что немедленно потребовало создания новых, написанных на латинице, букварей. И такие экспериментальные буквари появились уже в 2000 году. Именно тогда увидело свет экспериментальное учебное издание, подготовленное все теми же С.Г. Вагизовым и Р.Г. Валитовой, – «Букварь на основе латинской графики», рекомендованный для использования Министерством образования Республики Татарстан¹²⁴.

Издание это было очень небольшим по объему – всего 55 страниц, что составляло примерно половину и от «синей», и от «красной» «Алифбы». Поделено оно было на два достаточно традиционных раздела – «Письмо» и «Чтение». Большинство текстов этого букваря пришло сюда из «синей» «Алифбы», а некоторые иллюстрации к ним – из «Алифбы» «красной» (художником издания был тот же Т. Хазиахметов). Хотя в учебнике этом еще присутствовали отдельные советские артефакты (например, коричневая школьная форма и белые школьные фартуки у девочек и синяя школьная форма у мальчиков), в целом и тексты, и изображения букваря были очень современны. Элементы постсоветского быта встречались в книге довольно часто, особенно во второй его части («Чтение»). Это были и современные детские игрушки (с. 33, 49), и интерьер (с. 39), и пластиковые окна в квартире, и стильная портьерная ткань на окнах, и оконные карнизы (с.53), и джинсы, в которые наконец-то оделись дети (хотя только мальчики – с. 39, 40) и даже компьютеры (с.42), правда, не дома, а в

¹²³ Валеева Н. Шансы догнать одноклассников у мальчика есть // Вечерняя Казань. – 2002. – 25 января.

¹²⁴ Wağizov S.Ğ., Wəlitova R.Ğ. Latin grafikası nigezendə əlifba: Эксперименталь уку ярдемлегә. – Казан, 2000.

школьном классе! Ребенка окружали вещи и предметы, маркировавшие собой постсоветское пространство, и он чувствовал себя среди них свободно и комфортно. Он совершенно привычно обходился как с работой на компьютере, так и со сбором ягод (с. 42). Это был «новый» ребенок, рожденный и живущий в новом постсоветском мире, в новом, современном Татарстане. Кстати сказать, и описанные и изображенные на страницах букваря занятия детей гораздо больше соответствовали их юному возрасту, нежели чем в «синей» и «красной» «Алифбе»: дети учились, немного помогали взрослым и много играли – небольшое по объему издание изобиловало красочными изображениями играющих детей и самих игрушек, что делало его очень привлекательным.

Сельский и городской дискурс сочетались в этом учебном пособии достаточно гармонично. Идиллические «деревенские» картинки с едущим на дровнях старичком или живописной деревенькой и родником под раскидистой ивой, сельскими красавицами в национальных костюмах, пляшущих вокруг березы, или играющими и прыгающими за околицей детьми (с. 34-37, 40, 44) перемежались рисунками, изображающими современную городскую квартиру и сам город Казань. Символами «родной земли» стали в учебнике Казанский Кремль и коллаж, включающий в себя, наряду с историко-художественными компонентами (башня Сююмбеки, памятник М. Вахитову), и изображения, представляющие основные экономические достижения современного Татарстана (летающий самолет, башенный кран и новостройки, рабочих-строителей, укладывающих блок нового здания, желтеющую ниву с элеватором, буровую вышку и нефтедобывающую и нефтеперегоняющую установки, операторов у электронного пульта управления электростанцией). Именно это, по мнению авторов учебника, и была родная земля, о чем свидетельствовало помещенное здесь же стихотворение М. Джалиля и стихотворение о родной земле Ш. Галиева¹²⁵.

В иллюстрации к рассказу И. Туктара «Спасибо за спасибо», пропагандирующем навыки вежливости, особенно по отношению к пожилым людям, мальчик, принесший дедушке хлеб из магазина, держит в руках пакет с изобра-

¹²⁵ Там же. – Б. 54-55.

жением башни Сююмбеки и надписями «Казань», выполненными на латинице и кириллице («Kazan» / «Казан»)¹²⁶.

Достаточно взвешенно и уместно был представлен в учебнике и дискурс национальный. Да, здесь тоже есть и дети, и куклы в национальной одежде, но они появляются прежде всего на тех страницах книги, где помещены произведения классиков татарской литературы, относящиеся к первой четверти прошлого века (Г. Тукая, Г. Ибрагимова)¹²⁷. Стихотворение Ш. Маннура уравнивает и провозглашает значимость обоих государственных языков Республики Татарстан: « И татарский язык нужно хорошо знать, / И русский язык нужно хорошо знать. / Оба они для нас / Самые нужные языки»¹²⁸. На сопровождающей его иллюстрации девочка показывает кукле татароязычную «Алифбу», а мальчик – русскоязычную «Азбуку».

Как и в действительности, государственный флаг РТ гордо реял над зданием президентского дворца в Казанском Кремле (с. 55). Как и в реальности, над башней Сююмбеки высился мусульманский полумесяц, при этом, правда, художник погрешил против истины, изобразив стоящий бок о бок с ней Благовещенский собор без православного креста (с. 55).

Безусловно, учебник этот (в особенности, его раздел «Письмо», содержащий мало законченных текстов, немногочисленные и невыразительные иллюстрации и изобиловавший – что вполне объяснимо и понятно – прописями) нельзя было назвать совершенным, но это был безусловный шаг вперед с точки зрения адекватного и достоверного отображения современной детям действительности и их самих в ее контексте. Жаль только, что на страницы его не попали юные представители многочисленной зарубежной татарской диаспоры, ведь овладение латиницей было рассчитано на дальнейшую консолидацию мирового сообщества татар, в осуществлении которой подрастающее поколение в будущем призвано было сыграть особую роль.

¹²⁶ Там же. – Б. 39.

¹²⁷ Там же. – Б. 35, 44, 48.

¹²⁸ Там же. – Б. 53.

Среди экспериментальных изданий первой половины 2000-х годов исключительно любопытным представлялось стихотворное издание «Алифбы» «Праздник букв», выполненное параллельно на кириллице и на латинской графике с использованием новейших технологий компьютерного дизайна (автор текста – Р. Миннуллин, художник – А. Айсина, компьютерная верстка и дизайн В. Фомина)¹²⁹. В этом великолепном издании, поддержанном Кабинетом Министров Республики Татарстан, было все, что могло привлечь внимание и заинтересовать юного читателя: и страницы древней истории и культуры татарского народа (тексты «Болгар и Биляр», «Мечеть», «Шурале»), и тысячелетняя красота татарской столицы (текст «Казань»), и законодательство и государственная символика Татарстана (тексты «Флаг», «Герб», «Закон»), и татарские праздники («Науруз», «Сабантуй», «Соревнование»), и спортивные достижения республики («Хоккей»), и ее герои (текст «Джалиль»), и все многообразие городов и рек Татарстана (тексты «Актаныш», «Челны», «Река», «Урал»), и богатство народных промыслов, и изящество традиционной одежды (тексты «Сапоги», «Жилет»), и картинки родной природы (тексты «Мост», «Желобок»), и малая и большая Родина (тексты «Гнездо», «Родина»), и вся безграничная вселенная (текст «Вселенная»). Это было очень патриотичное издание, но в этом патриотизме не было надсады, он был естественен, органичен и многонационален, сплавившая и объединяя не только всех татарстанцев, независимо от их национальной принадлежности, но и всю татарскую диаспору. Именно в иллюстрации к тексту «Татары» («И уральские, и сибирские, и волжские – все это татары. И мишари, и кряшены, и тептяри – татары. Все они татарами зовутся!»¹³⁰) мы находим одно из немногих, вернее, едва ли не единственное в учебнике изображение детей – девочки и мальчика в национальных костюмах, и семьи – но семьи не нуклеарной, а глобализированной – как сообщества всех татар, проживающих в различных уголках земного шара.

¹²⁹ Миннуллин Р. Хәрефләр бәйрәме: Шигъри әлифба / Minnullin R. Xәreflәр бәүгәме: Şiğri әlifba. – Казан / Qazan, 2002.

¹³⁰ Там же. – С. 58.

Безусловно, данная книга представляла собой не учебное, а литературно-художественное издание, и по ней, вероятно, трудно бы было научиться читать. Но его главным и безусловным достоинством было умение говорить просто о сложном, учить не поучая, воспитывать не морализируя. Это был исключительно удачный опыт, который вполне мог быть востребован в дальнейшем.

Что касается ситуации с более традиционными букварями на кириллице, то здесь изменения были не так заметны, хотя с 2002-2003 годов общее положение с учебниками татарского языка в Татарстане начало, наконец, в корне меняться. Произошел переход к новому поколению учебников, к созданию которых были привлечены высокопрофессиональные авторы, в том числе профессора и преподаватели Казанского университета¹³¹. Учащиеся русскоязычных школ отныне перестали обучаться по «Алифбе», которую заменили модернизированными либо вновь подготовленными учебниками татарского языка¹³². Национальный букварь же был сохранен лишь в татарских школах и классах. Эта была все та же «красная» «Алифба», почти не изменившаяся по сравнению с рассмотренным выше изданием 1995 года. В нее были внесены лишь незначительные коррективы. Так, из рук мальчика, скачущего на игрушечном коне, исчез государственный флаг Республики Татарстан – осталась лишь поднятая вверх ручонка со сжатым кулачком¹³³. В тексте о памятниках пропало упоминание о памятнике Муллануру Вахитову¹³⁴.

Таким образом, 1990-е – 2000-е годы ознаменовались в Татарстане постепенной, но, в конечном итоге, достаточно радикальной деконструкцией преж-

¹³¹ Максимов Н.В. Анализ учебников и учебно-методической литературы по татарскому языку для русскоязычных учащихся образовательных учреждений с русским языком обучения // <URL>: <http://rcrio.ru/node/60>

¹³² См.: Галиева Н.Г., Хәйдәрәва Р.З. Татар теле / Татарский язык: Рус телендә белем бирүче дүртеллык башлангыч мәктәпләренәң 1нче сыйныфы өчен дәреслек. Рус телендә сөйләшүче балалар өчен. – 2нче басма. – Казан, 2003; Гарипова Л.И., Литвинов И.Л., Садыйкова З.Р. Татар теле: Дүртеллык башлангыч рус мәктәпләренәң 1нче сыйныфы өчен дәреслек. Рус телендә сөйләшүче балалар өчен. – Казан, 2002; Сафиуллина Ф. С., Фәтхуллова К.С. Татар теле / Татарский язык: Рус телендә белем бирүче дүртеллык башлангыч мәктәпләренәң 1нче сыйныфы өчен дәреслек. Рус телендә сөйләшүче балалар өчен. – Казан, 2003.

¹³³ Вәлитова Р.Г., Вагыйзов С.Г. Әлифба: Дүртеллык башлангыч мәктәбенәң 1нче сыйныфы өчен дәреслек. – Казан, 2004. – Б. 30.

¹³⁴ Там же. – Б. 113.

него букварного текста и поисками его современных аналогов. Этого требовала новая историко-политическая и социокультурная ситуация, складывавшаяся и в самой республике, и в России в целом, влияние которой ясно и легко прочитывалось на страницах букварных изданий. Политическая конъюнктура выступала здесь, безусловно, не столь оголтело и прямолинейно, как в букварях советского периода, но обязательно присутствовала, подчас – в скрытой, латентной, вероятно, не всегда понятной и «прочитываемой» ребенком с первого взгляда и требующей дополнительных разъяснений и комментариев со стороны взрослых, форме.

Национальный дискурс безусловно доминировал в постсоветских татарских букварях и определял их суть. Именно посредством его и шло, по существу, постулирование этой самой «постсоветскости». Одной из основных, если не главной задачей «Алифбы» в рассматриваемый период, стала задача формирования и укрепления национальной идентичности и складывания понятия национального «мы». Татарский ребенок и члены его семьи – родители, бабушки и дедушки, братья и сестры, дяди и тети – оставались, как, впрочем, и в советское время, главными героями татарского букваря и именно на этих персонажах была возложена эта важная политико-воспитательная миссия.

Национальное «мы» господствовало в «Алифбе» априорно и всецело, не допуская актуализации образа «другого» и – благо – сопоставления или противопоставления образов «своих» и «других». Такой подход представлялся, безусловно, возможным, и, как показывает практика, всегда успешно реализовывался в учебниках иностранного языка. Но то, что было применимо к изучению и проникновению в мир действительно культурно и территориально отстоящих «других», оказывалось, вероятно, далеко не самым продуктивным в условиях ситуации «культурного пограничья», которую всегда воплощал собой Татарстан. Здесь сложился многовековой плодотворный опыт успешного сосуществования двух основных для этого региона национальных общностей – татарской и русской, сплавленных в едином «культурном котле» и не потерявших при этом своего своеобразия. Эта мультикультурная среда окружала татарстан-

цев с момента их рождения, они сами являлись ее неотъемлемой составной частью, и потому отсутствие ее в национальных букварях существенно обедняло эти издания и снижало степень их полноты и достоверности при отображении современной действительности.

Анализ «Алифбы» последнего двадцатилетия показал, что ни ранние постсоветские модели построения национального букваря, базирующиеся на принципе встраивания национального компонента в прежнюю единую советскую схему и ее последующее размывание, ни более поздние его образцы, прямо и открыто опирающиеся на концепцию «этнической эксклюзивности» и «идеальный» образ нации, за редким исключением (типа художественного издания Р.Миннуллина) оказались не состоятельными с точки зрения достоверного и репрезентативного описания нового политического, экономического и социокультурного пространства Татарстана и населяющих его субъектов – как больших, так и маленьких.

В роли слабо обозначенных «других» оказались в «Алифбе» и представители современной городской культуры. Отстраняясь от нее, как таковой, и от неразрывно связанных с нею достоинств и недостатков, преимуществ, соблазнов и пороков современного постсоветского общества потребления, воспевая «пастушескую» идиллию отлакированной сельской жизни, «Алифба» уже в 1990-е годы плохо вписывалась в складывавшуюся тогда ситуацию, отмеченную неуклонным возрастанием роли и места Татарстана в общемировых процессах, успешного встраивания его в Большой мир и охватившие его глобализационные тенденции. В 2000-е годы, в условиях, когда Татарстан сделал огромный скачок вперед в своем развитии и превратился в один из наиболее успешно и динамично развивающихся регионов России, этот отрыв стал еще более очевиден.

Обращает на себя внимание также и то, что на протяжении почти всего рассматриваемого периода для татарского букваря было свойственно тяготение к стандартизации и унификации. Даже в 2000-е годы в Татарстане не было такого множества и разнообразия букварей, как среди изданий федерального

уровня. Не отрицая необходимости сохранения преемственности как важного фактора в развитии и совершенствовании учебных изданий, нельзя в то же время не констатировать, что отсутствие здоровой конкуренции на издательском и образовательном рынке отнюдь не шло на пользу уже существующим учебникам и ограничивало возможности их совершенствования и дальнейшего творческого поиска.

Достойную альтернативу и ныне дискредитированному советскому букварю, и рассмотренным выше постсоветским изданиям еще только предстоит создать. И хочется надеяться, что такой учебник станет не местом политических сражений, не книгой, отделяющей «своих» от «других», а той «зоной культурного билингвизма», о которой писал Ю.М. Лотман¹³⁵, и которая так необходима и самому многонациональному Татарстану, и его юным жителям. А представленный в вербальных и визуальных текстах национального букваря ребенок сможет легко разрушить границу между «реальным» и «букварным» миром и сделать современную «Алифбу» не только необходимой и полезной, но и легко узнаваемой, с удовольствием читаемой и рассматриваемой, «своей» книгой.

¹³⁵ Lotman Yu. M., Uspenskii B.A. The Role of Dual Models in the Dynamics of Russian Culture (Up to the End of the Eighteenth Century) // Lotman Yu. M., Uspenskii B.A. (ed.) The Semiotics of Russian Culture. Ann Arbor, 1984. P. 3-35.